

НАТАЛЬЯ КОРНЕВА

18+

Черное Солнце

*За что убивают
Умерших*

ФантАзия бессмертных

Наталья Корнева

**Черное Солнце. За
что убивают Учителей**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корнева Н. С.

Черное Солнце. За что убивают Учителей / Н. С. Корнева —
«Издательство АСТ», 2023 — (Фантазия бессмертных)

ISBN 978-5-17-157519-9

Двум солнцам не место на небосклоне. Красное солнце зашло. Но поднялось новое солнце. При помощи запретных магических техник ученику удастся возродить Учителя, погибшего при загадочных обстоятельствах почти четыре сотни лет назад. Мир изменился. Могущественный в прошлом заклинатель получает шанс прожить новую жизнь. Какие тайны скрывает его смерть и к чему приведет воскрешение?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157519-9

© Корнева Н. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1. Феникс забирает солнце	6
Глава 2. Феникс снова под солнцем	11
Глава 3. Цветущие пионы, острые шипы. Часть 1	17
Глава 4. Цветущие пионы, острые шипы. Часть 2	22
Глава 5. Феникс распускает хвост. Часть 1	27
Глава 6. Феникс распускает хвост. Часть 2	33
Глава 7. Журавлиные перья. Часть 1	39
Глава 8. Журавлиные перья. Часть 2	44
Глава 9. Дракон поднимает голову. Часть 1	50
Глава 10. Дракон поднимает голову. Часть 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Наталья Корнева

Черное Солнце. За что убивают Учителей

*Одержимый свободой,
Понять я не мог, как избавиться мне от оков.
Научи меня вольности. Алым крылом
Птицы феникс коснись ветров.*

*Как я стал птицеловом?
Не мысля того, я построил тюремную клеть.
Я сломал слишком яркое птичье крыло,
Чтобы птице не дать улететь.*

© Наталья Корнева, 2023
© prommaste, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Феникс забирает солнце

Эпоха Красного Солнца. Год 291.

Сезон великого холода

Лед сковывает живительные потоки.

День последний

Ром-Белиат. Красная цитадель

****серебряной гуашью****

Даже обладая значительной властью и положением в обществе, не всегда способны мы исправить что-то в своей собственной жизни, не всегда можем предотвратить катастрофу. Точнее, сделать это не удастся практически никогда.

...Он опоздал!

Опоздал.

Лампады, под алыми хоругвями изящно свисавшие с потолка, едва горели тревожным темным пламенем. Вне себя от потрясения, Яниэр застыл на пороге святилища, без слов вздрившись на открывшуюся взору ужасающую картину.

Сцена напоминала кошмар наяву – страшный сон, от которого впоследствии он так и не смог убежать, который не смог изгнать из своей памяти. Увиденное в один миг лишало сил и присутствия духа, парализовало, как яд восточной копьеголовой змеи, способный мгновенно обездвижить жертву: не получалось даже сделать вдох.

Мертвое тело Учителя вниз головой висело над алтарем. Тончайшие нити чужой силы опутывали его плотно, как пойманного в красную паутину мотылька. Поддерживая в воздухе, они впивались в жертву так хищно, так жадно, что с легкостью разрезали одежду и не успевшую еще окоченеть плоть.

Это тело казалось непривычно хрупким, уже сломанным. Для фиксации головы и каждой конечности отдельно оно было связано большим связыванием пяти благородных цветов: правая нога, согнутая в колене, упирается в бедро; правая рука, поврежденная, неестественно вывернута и заведена далеко за спину, притянутая нитями к самой шее; указательный и средний пальцы левой тесно прижаты к губам, не давая им разомкнуться. В уголках губ виднелись лиловые отметины, заставляя предположить неприятное... точнее сказать, невозможное: пощечину, унижительный удар по лицу.

Помимо воли Яниэр содрогнулся: в такой позе поругания хоронили клятвопреступников, вывесив их предварительно на всеобщее обозрение. И в такой же постыдной, недостойной позе силой удерживал тело Учителя Элиар. И, как будто подобного осквернения недостаточно, на горле наставника алел надрез, точно на месте выхода сонной артерии. Там, известная лишь немногим, располагается имеющая сакральный смысл энергетическая точка контроля.

Секретная точка, которую сам Учитель обнаружил когда-то.

Из аккуратного надреза медленно, тягуче сочилась кровь. Похоже, она успела вытечь практически полностью: жертвенник был весь в крови, отвратительно похожий на место забоя скота, а лицо мертвеца сделалось блее мела. На этом бледном лице яркими пятнами горели знакомые алые штрихи, оттенявшие теперь уже навеки закрытые глаза. Черно-серебряный водопад волос свободно проливался до самого алтаря, впадая в кровавое лотосное озеро.

Все вокруг было в крови Учителя. Слишком много крови... даже стены адитума в темных разводах. Алыми цветами она окропила жертвенный стол, и святая святых храма наполнилась упоительным благоуханием красного лотоса: так пахла не знающая тлена кровь потомков небожителей. Аромат от сжигания ритуальных трав вязко распространялся вокруг, размешиваясь с потоками воздуха. Терпкая смесь запахов лотосной крови и благовоний будоражила и

одновременно погружала в странное оцепенение. Черная, запрещенная магическая мистерия творилась тут совсем недавно.

Верховный жрец храма Закатного Солнца мертв, сам благословленный небожителями храм осквернен его смертью. Невозможно больше исполнять здесь священнослужение, да и некому.

Сотворивший все это непотребство стоял тут же, совершенно не таясь, и внимательно разглядывал дело своих рук. Лицо его было таким пустым и бессмысленным, каким бывает во время самого глубокого молитвенного состояния. Яниэр совершенно не понимал, доволен ли Элиар или же вовсе не осознает случившееся.

Яниэр и сам еще до конца не осознавал. Но все же это был конец – точка невозврата. Точка, разделяющая жизнь на до и после.

Один только взгляд на тело верховного жреца, израненное удерживающими нитями с головы до ног, причинял боль. Яниэр, его Первый ученик, задохнулся, мысленно обращая к небожителям запоздалые молитвы и надеясь на то, что бесчисленные порезы нанесли уже после смерти, во время ритуала повешения, и Учитель избежал жестокой пытки при жизни.

– Ты... убил его? Ты все-таки сделал это.

Как и всегда, довольно скупые слова с едва различимым северным акцентом.

Слова почти не выдавали эмоций, однако голос был полон горечи. Горечь завязала на зубах, неприятно щипала кончик языка. В один миг сердце Яниэра утонуло в печали, а душу затопила боль, которую не избыть.

Элиар не ответил, даже не повернул головы. Казалось, он был полностью поглощен занимавшим его медитативным зрелищем: не отрывая глаз, будто боясь упустить что-то, Второй ученик сосредоточенно наблюдал, как кровь Учителя по капле вытекает из раны, срываясь вниз, в недвижимое красное озеро жертвенника.

Кап-кап.

Кап-кап.

Этот жуткий монотонный звук сводил с ума.

Снаружи красивыми большими хлопьями сыпал снег, снег падал на живых и на мертвых. Внутри храма текла кровь. Ученик убил своего Учителя. Учитель продолжился в своем ученике. Убийца и убитый отныне были связаны навек.

Какой тяжелый, тяжелый снег. Какая тяжелая вся эта бесконечная зима.

Яниэр глубоко вздохнул и подошел ближе – шаг за шагом, очень осторожно, словно боясь потревожить замершего на миг разъяренного зверя. Он шел медленно, будто сквозь воду, искажавшую и пространство, и звук, преодолевая сопротивление застывшего навсегда мгновения. Он слишком хорошо знал дикий нрав сына Великих степей и всерьез опасался, что Элиар может внезапно впасть в гнев и не позволит ему находиться в святилище в такой час.

Однако Элиар никак не реагировал. Кажется, зверь сыт и пьян от крови и пока не собирается бросаться на новую жертву. Возможно, он опустошен, возможно, обессилен. Не шевельнулся он, даже когда Яниэр приблизился почти вплотную, и только призрачный Коготь Дракона угрожающе покачивался на бедре, дрожа от переполнявшей металл духовной силы. Этот клинок залил храм Закатного Солнца кровью и осквернил его от основания и до самого высокого центрального шпиля.

Стараясь лишний раз не беспокоить взглядом изгиб серебряного лезвия, Яниэр вновь посмотрел на Учителя и заметил, что лотосная кровь потихоньку стекает с нижнего края алтаря и собирается в заранее приготовленном крутобоком сосуде с узорами в виде алых пионов. Какая странная и жестокая процедура. Зачем только все это понадобилось Элиару?

При мысли о возможном использовании крови Учителя в запрещенных ритуалах Яниэр похолодел и молча опустил на колени чуть позади своего извечного соперника и соученика. Бледно-золотое сияние полированного дерева мягко поднималось от пола, но не давало при-

вычного успокоения духа. С величайшим почтением Яниэр взял руку Элиара и, сперва приложив ко лбу, начал целовать ее, эту жестокую руку, которая была вся в крови их общего наставника, таким образом выражая смирение. По щекам беззвучно катились слезы, когда северянин думал о том, что эта самая рука убила Учителя, – но делать было нечего.

Яниэр знал, насколько сильно ненавидит его Элиар, и надеялся хоть немного смягчить сердце кочевника покорностью. Воистину, покорность эта не укладывалась в голове, – должно быть, Элиару дико наблюдать ее от известного гордеца из Ангу, Серебряной Звезды Севера, рожденного в краю безупречно белых клеверных полей. С самого начала ученичества Яниэр не считал выходца из Великих степей ровней, щедро поливая прозванного Красным Волком мальчишку насмешками и ядовитым презрением, смотря свысока, а зачастую и попросту издеваясь.

За все минувшие годы наверняка не раз мечтал увидеть Элиар, как согнет перед ним идеально прямую спину всегдашний любимец Учителя. И вот долгожданный час расплаты пробил: наставника больше нет здесь, чтобы защитить Яниэра.

Внезапная смерть Учителя сломала остатки его гордости.

Пускай так... да разве важна теперь гордость? Элиар получит все, что захочет, лишь бы только склонил слух к его мольбам. Увы, это последнее, что он может сделать для Красного Феникса Лианора.

– Мой господин, – тихо проговорил Яниэр, употребив обращение, которое в обычных обстоятельствах не пристало употреблять по отношению к младшему по возрасту и статусу Второму ученику. – Прошу тебя, освободи верховного жреца нашего храма. Все кончено – ты победил. Это час твоего триумфа, который никто из нас не позабудет и не оспорит. Ты добился своего: закатилось солнце прославленного Красного Феникса. Разве недостаточно вкусил ты сладость и горечь мести? Прояви же каплю милосердия к побежденным: позволь мне забрать священное тело и совершить все похоронные обряды и службы с подобающими почестями. Даже если ученик превзошел Учителя, в нем должно сохраниться уважение... Закончив с ритуалами, я добровольно пребуду в твоей власти и не подумаю избежать твоего суда.

Элиар безмолвствовал. Казалось, слова Яниэра не достигали заледеневшего сердца кочевника или же не имели достаточно силы разбить кокон его равнодушия.

– Ты опоздал, – чуть усмехнувшись, бесстрастно проговорил наконец Красный Волк. – Учитель не дождался тебя и не увидел перед смертью Первого и лучшего своего ученика. Увы, он был одинок в смертный час.

Услышав это, Яниэр оставил холодную руку в покое и склонился до самой земли, прижав лоб к заляпанному кровью высокому сапогу победителя. Белоснежные волосы рассыпались по полу и также приняли цвет крови.

– Мой господин несправедлив к нашему Учителю, – осторожно заметил Первый ученик. – Учитель не заслуживает в посмертии быть удержанным в проклятой позе: он не предавал тебя, Элиар. Он не был клятвопреступником.

Яниэр собрался с духом для следующей непростой фразы. В конце концов, ситуация не могла стать хуже, а произнести эту фразу было необходимо, чтобы восстановить справедливость. Пусть и слишком поздно. Пусть и посмертно.

– Учитель не давал распоряжения о нападении на Халдор, – едва слышно прошептал Яниэр, не поднимая лица. Слезы медленно скатывались из уголков глаз, прозрачных, как горный хрусталь. – Красный Феникс Лианора непричастен к истреблению племени Степных Волков, ты спросил этот грех не с того. Клянусь, Учитель ничего не знал, пока ты сам не явился с новостью и во всеуслышание не обвинил его перед послами Бенну. А истинный виновник конфликта... мне жаль... но это отчасти моя вина. Я отдал Карателям злополучный приказ, положивший начало войне с Вечным городом.

Второй ученик чуть заметно вздрогнул и тряхнул головой, словно очнулся от наваждения. Только вот морок вокруг не спешил рассеиваться: сцена не изменилась ни на йоту.

– Ты лжешь, – пугающе спокойно возразил Элиар, наконец переведя взгляд вниз, на припавшего к его ногам Яниэра. Гортанный голос прозвучал непривычно сухо и отстраненно, очень, очень холодно. – Этого не было.

– Было.

В глазах Элиара мелькнула растерянность.

– Этого не было, – настойчиво, с каким-то тоскливым упрямством повторил он. – Не было! Ты лишь пытаешься посмертно обелить имя Учителя и заставить меня сожалеть. Ты хочешь отравить эти минуты.

– Разве они и без того не отравлены?

– Я не верю тебе. Я не верю!

Яниэр выпрямился и вновь поцеловал руку убийцы, инстинктивно сжавшуюся в кулак. Опасное движение, но терять больше нечего: в откровениях нужно идти до конца.

– Прости меня. Это моя вина и моя ошибка: я ненавидел тебя слишком сильно, чтобы рассуждать здраво. Я недооценил того, на что ты оказался способен. Смерть твоих родичей, твоих соплеменников... а теперь и смерть Учителя – все только на моей совести. Если хочешь, можешь провести дознание и убедишься, что я говорю правду.

Горевшие ярким золотом глаза Элиара расширились и потемнели. С растущим раздражением он вырвал кисть и отвернулся, желая скрыть выражение своего лица.

– Ром-Белиат потерял, – нахмурившись, хрипло бросил Второй ученик. – Нет времени на ритуалы. Скоро здесь будут лучшие бойцы храма Полуденного Солнца. Ты должен поторопиться – я не буду задерживать тебя.

– Боишься узнать, что ошибся, не так ли? – не двигаясь с места, ровным голосом предположил Яниэр. – Ведь уже ничего не изменить. Но я не стану бежать от смерти, если имя Учителя останется опороченным. Прошу, приступай к дознанию: ты должен увидеть правду. Я готов открыть тебе свитки памяти, смотри все, что потребуется. Обнажи мою душу и убедишься.

Элиар стиснул зубы и кинул на него полный лютой ненависти взгляд. Пальцы Второго ученика нервно шевельнулись, и распятое над кровавым алтарем тело пришло в движение, принимая позу более приличную и умиротворенную. Алые нити силы расползлись в стороны, снимая тугие узлы.

– Выходит, Учитель защитил тебя. Что было в тебе такое, что стоило его жизни?

– Дело не в этом... – Яниэр хотел бы проигнорировать этот едкий упрек, но решил, что Элиар заслуживает разъяснений. – Ты не понимаешь. Дело не во мне, а в характере Учителя. Он – другой человек, не такой, как ты.

– Великий Красный Феникс Лианора слишком надменен, чтобы оправдываться перед неполноценным? – Элиар зло усмехнулся. – Значит, гордость для него важнее истины?

– Элирион...

– Забирай тело и уходи, – безо всякого выражения приказал Второй ученик, внешне никак не отреагировав на сокровенное имя, которым к нему обратились с явным умыслом. – Убирайся прочь. Немедленно!

Сердце Яниэра забилося сильнее, невольные слезы вновь навернулись на глаза. Пусть спасти Учителя не удалось, по крайней мере он убережет его тело от посмертного поругания и воздаст необходимые почести.

– Благодарю.

Элиар отрицательно покачал головой, предостерегая от излишних надежд.

– Я отдам тебе священное тело Учителя. Позаботься о нем как следует. Но остерегайся когда-нибудь впредь покинуть пределы Ангу и попасться у меня на пути.

Не заставляя повторять дважды, Яниэр согласно кивнул и быстро поднялся на ноги. Нельзя было терять ни минуты, если он хотел исчезнуть из Ром-Белиата прежде, чем сюда нагрянут основные силы захватчиков из восьмивратного города Бенну.

Там, на западе, в золотом Вечном городе уже зацветал ярко-желтый вестник весны горицвет. Этот крохотный цветок распускается очень рано – первым в конце долгой и суровой зимы. Уже скоро в Бенну можно будет в полной красе полюбоваться его цветением, тогда как Ром-Белиат останется погребенным под снегом до самого сезона дождевой воды. И конечно, Учитель уже более никогда не увидит, как распускается горицвет, обещая новую весну. Новую весну, которая наступит уже завтра, наступит для всего мира, но только не для Красного Феникса Лианора.

Удивительно, но милый цветок, символ вечного счастья, крайне ядовит. Наверное, в этом противоречии есть какой-то скрытый смысл, мудрость, заложенная древними. Секрет, который Яниэру еще предстояло разгадать, вновь и вновь возвращаясь мыслями к смерти наставника и невольно вспоминая при этом нежно-золотистый горицвет.

Слава небожителям, Элиар прислушался к нему. Священное тело Красного Феникса Лианора – не для поругания и не для тления в грязной земле Материка. После всех церемоний сын морского народа упокоится в холодных сине-зеленых волнах, согласно старым традициям Утонувшего острова. Когда сомкнутся воды, только белые птицы будут кричать над ними пронзительным белым криком.

На дно, на глубокое дно опустится его замолкнувшее сердце.

На дно великого океана, куда опустился когда-то и сам Лианор.

Глава 2. Феникс снова под солнцем

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон начала весны

Восточный ветер приносит новое рождение.

День первый от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчьего Логова

киноварью

С самого начала день не задался.

– Господин... он жив!.. – Голос доносится до слуха неразборчиво, словно сквозь толщу морской воды.

Кажется, женский голос, хоть и не слишком-то приятный: чересчур резкий, грубоватый даже, он режет слух диссонансами.

Нечистая, дрянная кровь неполноценных во всей ее красе. Кровь что вода. Тьфу.

Во мраке, крошечном мраке, слышатся медленные шаги. Гулкие, уверенные – так бьет широкий каблук по камню тщательно состыкованных храмовых плит. Знакомо: не раз и ему доводилось ступать по этому тесаному камню. В вязкой тишине звук растекается не сразу, словно капля густого светящегося масла, в котором хранят драгоценные благовония и сухие цветы.

– Кто ты? – спрашивает все та же незнакомка. Она уже говорит осторожнее, деликатнее как-то, повинаясь чьему-то безмолвному приказу.

А он... он покоится где-то на самом дне, опутанный длинными вервями водорослей. Тяжелым шатром над ним сомкнулась бездна. Голос неполноценной требовательно зовет ввысь, заставляет вынырнуть хоть ненадолго на поверхность. Выныривать не хочется, да и нет сил. Водоросли темные и вроде бы мягкие с виду, но сердцевина их – ледяное серебро небытия. Они туго переплетены узлами, они стягивают его крепко, как щупальца неведомого морского чудовища, не позволяя пошевелить и кончиками пальцев. Сумрачно и холодно.

Очень холодно.

И что еще за бессмысленные вопросы? Всем на Материке известно, кто он такой и какие титулы носит. А неслыханная фамильярность в обращении и вовсе заставила бы взбеситься, если бы не эта странная, непривычная усталость в теле.

Погодите-ка... а если задуматься...

Ощущение этого самого тела напрочь отсутствует, в сознании – звенящая пустота. Зрения также нет – по-видимому, на глазах лежит плотная повязка... или он на самом деле пребывает в беспросветных глубинах океана... того самого безжалостного океана, поглотившего когда-то его дом. На илистом дне которого осталось навсегда его сердце.

Проклятье, что вообще происходит?

– Я тот, перед кем все вы будете держать ответ, – звучит новый голос. На сей раз – мужской, а точнее – вызывающе молодой голос юноши.

Чужой, неизвестный голос... он ведь принадлежит не ему? О боги! Он бы узнал свой собственный голос, не так ли? Совершенно точно узнал бы, да. А этот – невесть какой: хоть и не лишен определенного очарования, а чистота звучания опять-таки оставляет желать лучшего.

Кроме того, новый кто-то заговорил таким острым, таким пронзительно весенним голосом... юным, чересчур юным для него. И не слишком ли опрометчиво со стороны юнца вот так запросто сыпать угрозами, находясь, вдобавок, в руках тех, с кем он столь решительно обещает расправиться? Дальновидным расчетом тут и не пахнет: один только ветер в голове.

Кажется, присутствующие, кто бы они ни были, замерли в удивлении и молчат. И реакция, надо сказать, вполне ожидаемая. Вряд ли кому-то приходится по вкусу нахальные выходки.

Но будем решать проблемы в порядке живой очереди. Для начала хорошо бы вспомнить себя. Мысли предательски путаются, а дерзкий юношеский голос меж тем настойчиво продолжает грозить неприятностями:

– Я вас уничтожу. – Будто со стороны слышит он эти спокойные, пугающе спокойные слова, и в то же время неожиданно приходит первое телесное ощущение: губы, что их произносят. Сложно поверить, но это его собственные губы! Застывшие, заледеневшие... во рту скопилась вязкая слюна. С усилием он сглатывает ее и, кажется, чувствует мерзкий привкус крови.

О небожители, он хочет обратно на дно.

– Оставьте нас, – негромко говорит вот уже третий человек, и шелест поспешных шагов свидетельствует о том, что краткое распоряжение его исполнено незамедлительно. Похвальная расторопность.

По запертой на ключ памяти волною проходит дрожь. Раздавшийся голос врывается в сонную тюрьму рассудка, на раз-два срывает некоторые замки, освобождая воспоминания: яркими бабочками они забились у него в голове. Он узнает этот голос! И как не узнать: с характерной хрипотцой, не по-здешнему вибрирующий, он звучит не впервые. Прежде он слышал этот гортанный тембр великое множество раз, слышал давно... так давно, кажется, в прошлой жизни.

Выходит, он хорошо знает и этот голос, и его обладателя, но почему-то никак не может вспомнить ни имени, ни лица, ни чего бы то ни было еще. Как странно.

Рябь силы пробегает по телу, – удерживающие его упругие канаты водорослей растягиваются и рвутся: большой белый кит величаво поднимается на поверхность, набирает скорость, чтобы взмыть в небо одним мощным прыжком.

Звездное море раскалывается надвое и становится пустым. Исполинская волна сминая линию побережья. Холодная вода искрится, стекает с гладкой могучей спины, с полумесяца хвоста, словно жидкое серебро. В детстве он слышал: когда белые киты выбрасываются из моря, чтобы умереть, они меняют цвет. Правда ли это?

Чья-то рука, помедлив, стягивает с лица широкую повязку, – чтобы тут же яростно хлынул свет. Всего лишь неяркий, слабый свет чадающих светильников, но на несколько долгих мгновений он полностью ослеплен этими жалкими крохами сияния. Привыкшие ко тьме глаза смазывают поволоку и близоруко шурятся, с трудом настраивая фокус. Наконец из мутно плывущих перед взором разномастных пятен и концентрических кругов начинает складываться реальность. Противоестественная, напоминающая абсурдный сон.

Над ним склоняется человек.

Возраст его сложно определить: безупречная молодость вступает в противоречие с глубоким взглядом и излишне уверенным выражением лица, которое дарует власть. Военная выправка с головой выдает многоопытного бойца, а характерного кроя жреческие одеяния угольно-черного цвета говорят о высоком положении. Определенно, перед ним мужчина в полудне своей силы: та разливается вокруг вольготно, как река в половодье.

После тьмы неподвижных вод небытия свет пламени по-прежнему кажется слишком ярким и делает сцену необыкновенно четкой и выразительной. Статусные одеяния угольно-черного цвета – как вам такое! Ну нет же, ну невозможно. Так не бывает. Кем бы он ни был прежде, а рассудок его, вероятно, в серьезном расстройстве, а может, что-то не то со зрением.

– Ты похож на жреца, но... к какому храму ты принадлежишь?

И какого цвета на самом деле эти броские одежды, хотел бы он знать. Темный узорчатый шелк, окутывающий незнакомца, как грозовые облака.

– Мессир не помнит меня?

О небожители... а похоже, будто помнит?

Еще раз напряженно вглядывается он в нависающего над ним мужчину.

Тот так же напряженно смотрит в ответ, словно пытается высмотреть самую душу, все еще спящую где-то на илистом дне. Но безуспешно: его глаза – матово-темное зеркало ночных вод, в них отражается, должно быть, только собственное заметно побледневшее лицо мужчины. Совершенно прямые волосы положенной иерарху приличной длины оттенком напоминают рыжую медь, чуть присыпанную пеплом. Внимательные глаза, по-южному чуть раскосые, отливают золотом и густо подведены черным, ногти покрашены в тот же nepотpeбный цвет. В руке массивный жреческий жезл с витым навершием, используемый в ритуалах. Шипастая диадема, по особому случаю надетая вместо традиционной повязки, гордо венчает чело. В левом ухе красуется вытянутой формы серьга из черного металла с ярким каплевидным агатом.

– Э... Элиар?

Сильно же изменился он с тех пор, как они виделись в последний раз. Когда это было, проклятье, когда же?

– Да. – Настороженно глядящие сверху вниз глаза будто потеплели. – Верно, таково имя, что вы дали мне когда-то в ученичестве.

Элиар – *«Подобный цветущему пиону»* на старом языке ли-ан. Пионы – само воплощение красоты и изысканности. Говорят, если умереть под ароматными цветами пиона, небожители не позволят телу истлеть в земле и заберут его на небеса, в благословенное Надмирье. Поэтично, уж этого не отнять, но больше под стать какому-нибудь нежному, слащавому мальчику, а не этому великолепному образчику силы и мужского достоинства. Каким дураком нужно быть, чтобы давать людям столь неподходящие цветочные имена?

С другой стороны, пышный алый пион – официальный цветок Триумфаторов, вдруг вспоминает он. Испокон веку Пионовый престол – символ незыблемости священной власти, дарованной небожителями.

Бесцельно блуждающий взгляд вдруг натывается на большое круглое окно, расположенное высоко над входными дверями. Должно быть, точно такое же окно в виде распутившегося цветка солнца есть и напротив, прямо за его головой: традиционные закатное и рассветное храмовые солнца.

Изголодавшийся по земным картинам глаз с удовольствием цепляется за изощренную сложность линий: расчлняясь фигурным переплетом, солнечные лучи симметрично расходятся от центра в стороны и сплетаются в рисунок чрезвычайно затейливый. Застекленные витражным стеклом, окна сияют черным и золотым узором. В дневное время, несомненно, они обильно заливают светом пространство перед алтарем, но сейчас снаружи стоит ночь и витражные солнца померкли.

Он напряженно задумался. Все это, бесспорно, очень красиво и торжественно. Но и очень непривычно, очень... неправильно. Обряды и церемонии никогда не проводятся ночью, когда угасает небесный огонь, а храмовое солнце не должно быть черным. Он мало что помнит, но эти прописные истины, вьившиеся в плоть и кровь, он знает – и знает абсолютно точно.

В главном храме Лианора, Великой базилике, все было иначе: длинный солнечный день струился через огромные окна, даруя благодать. Светлый образ залитого сиянием храма запал в сердце еще с тех пор, как он был совсем маленьким мальчиком... Но Лианора больше нет, внезапно вспомнилось ему.

...И все же душа появляется: бессмысленные темные глаза светлеют. Словно мелкая сеточка трещин прорезает полированную поверхность льда – сквозь них проступает океан. Бесконечный ледяной океан, который пришлось преодолеть душе, поднимающейся со дна. Этот пронзительный цвет – холодного зимнего моря, яростного шторма – невозможно спус-

тать ни с одним другим. Цвет циан, поглощающий священный красный цвет первоогня. Цвет циан, которого больше не осталось в мире.

– Учитель... неужели это и вправду Учитель... – Мужчина в черном кажется глубоко потрясенным. – После стольких лет... феникс появляется из пламени.

От избытка чувств предплечье его стискивают с такой силой, что на месте касания тотчас пресловутым алым пионом расцветает кровоподтек. Он закусывает губу и недовольно морщится: цветочных метафор на сегодня более чем достаточно. Как и всего творящегося вокруг балагана.

– Разумеется, это я. – Рот явственно полон крови. Он вновь проглатывает ее, но кровь продолжает поступать, упрямо поднимаясь откуда-то, продолжает тревожить дыхание. Дышать все труднее – легкие отяжелели, точно залитые забортной морской водой, но наружу почему-то выходит не вода – только кровь. Кровь. – Ты стал вдруг таким сентиментальным... Что с тобой, волчонок? И почему ты носишь черное?

– Мессир, умоляю, не волнуйтесь. Ваша память серьезно повреждена. Я буду рядом и подробно отвечу на все вопросы, но прежде всего вам нужен сон.

– Почему ты носишь черное? – Помимо воли брови его изгибаются и практически сходятся на переносице. Это гневное выражение кажется как будто непривычным, мышцы лица не желают слушаться, а губы сами собою складываются в какую-то нелепую, совершенно не свойственную ему милую улыбку. – В чем дело?

Названный Элиаром только вздыхает.

– К сожалению, ваша светлость, я больше не надеваю красное, – очень аккуратно отвечает он, словно бы опасаясь вызвать раздражение. – И никто не надевает: красный цвет строгой запретен на Материке. Эпоха Красного Солнца завершена. Адепты, младшие жрецы и надзиратели храма истреблены поголовно, а Красная цитадель разрушена до основания.

– Что ты несешь? – Горлом обильно идет кровь, которую больше не удастся сдерживать. Он сильно кашляет и начинает захлебываться этой поганой, неправильной кровью. Определенно, с нею что-то не так. – Я не помню ничего такого... катастрофа... это на самом деле произошло? Когда? И кто... кто мог сотворить подобное?

– Мессир, все вопросы после. Я опасюсь за ваш разум: после возвращения следует много отдыхать и не допускать перенапряжения. Позвольте немедленно сопроводить вас в приготовленные покои.

Однако, он все еще обездвижен. Холод жертвенника, к которому привязано тело, понемногу начинает проникать внутрь, ртутью затекает в сердце. Это священный камень, старый, очень старый – на нем убили многих. Он чувствует его тягостную энергетику, мрачную силу, высвободившуюся при жертвоприношениях и частично впитавшуюся в алтарь вместе с кровью убитых.

Опомнившись, Элиар принялся спешно освобождать тело от стягивающих его пут, жестких, колючих, бритвенно-острых. Проволокой впиваясь в обнаженную плоть, они оставляли на белоснежной коже красноречивые следы пыток – набухающие кровью характерные отметины. Он вдруг припомнил эти затейливые «узлы страдания»: так привязывают к алтарю особых жертв – ритуальных искупительных жертв, поднесенных высшим небожителям.

Все на свете очищается кровью: без пролития крови не бывает силы. Это он хорошо знает.

– Новое тело может не выдержать присутствие сильного духа, – словно оправдываясь, поясняет Элиар. – Я надеюсь, худшего не произойдет, но в течение сорока дней следует проявить крайнюю осторожность. Когда чистая кровь небожителей созреет и наберет силу, вы сможете владеть этим телом, как своим собственным. Думаю, по истечении срока трансмутации память также постепенно вернется к вам. Главное сейчас – не торопить события.

Развязав кровоточащие «узлы страдания», Элиар услужливо помогает ему подняться и сесть прямо на черном от крови жертвеннике. Решительным жестом срывает отороченное чер-

ным мехом одеяние и набрасывает на его плечи, дрожащие то ли от холода, то ли от нервного потрясения. Он глянул мельком, привычно заострив внимание только на важных деталях: край рукава обильно изрезан узором самого высокого ранга, а по широкой кайме змеится объемная вышивка затмившихся солнц. Не красных, но совершенно черных, бесстыжих, лоснящихся антрацитовым блеском солнц! Уникальный фасон верхнего платья немедленно говорит окружающим об особенном положении носящего его человека: перед ними Великий Иерофант, верховный храмовый жрец. Наместник небожителей на земле собственной персоной.

Но разве это не его личный пожизненный титул, пожалованный Триумфатором?

Один только край этих одежд пьянит без вина, как плывущий в полумраке святилища фимиам.

– *Новое тело?* – с растущим раздражением повторяет он.

Кровь продолжает вытекать из уголка рта, тонкой струйкой сползая по подбородку. Мир качается и кружится. Предстоит выяснить столь многое. От кровопотери сознание все больше слабеет, и нет здесь ничего знакомого, совсем ничего, что помогло бы зацепиться за эту странную, дикую реальность. Но зацепиться нужно во что бы то ни стало.

– Мессир, постарайтесь успокоиться и унять сердцебиение. – Элиар кажется всерьез обеспокоенным. – Новое тело отвергает священную кровь – открылось сильное кровотечение! И без того много крови потеряно во время ритуала. Я не могу снова лишиться вас.

– Немедленно объяснись, будь ты неладен!

– Неужели вы совсем ничего не помните, мессир? – тихо спрашивает Элиар. – Ваша жизнь давно закончилась, и сегодня я призвал ваш дух в чужое тело.

– Все это решительно невозможно. – Он холодеет и невесть зачем добавляет: – На свете нет магии, способной совершить подобное.

– Есть. – Элиар неожиданно опускает взгляд, будто смешавшись. – Теперь есть. Это магия Черного Солнца. И это магия нашего нового мира.

Не может быть. Нет, нет, не может быть! Неужели история повторяется? Неужели вновь затмилось Красное Солнце Лианора? Неужели окончилась благодная эпоха Второго Рассвета?

Какие-то обрывки слов, давно забытые названия всплывают в голове, но самого главного имени среди них нет.

– Как меня зовут? – с невольным ожесточением от этой беспомощности спрашивает он. Элиар качает головой.

– Прошу простить, но вы должны вспомнить сами. Ваш ученик не может называть мессира по имени в лицо. Это недопустимо. Могу сказать лишь, что на долгие годы ваше имя стало и моим именем тоже.

В этих словах слышатся отзвуки какого-то сильного чувства, не разобрать в точности, но оно не оставляет равнодушным ни одного из них. Может, гордость, а может, горечь?

Что-то в прошлом глубоко тревожит. Но, хоть убей, он не может вспомнить, что именно. Он не может вспомнить вообще ничего!

Тем временем кровотечение усиливается, и силы окончательно оставляют его – даже удерживать вертикальное положение тела становится затруднительно. Пожалованные ему статусные одежды Черного жреца слишком тяжелы для этого хрупкого юного тела. Какой позор! Мог ли он подумать, что доживет до такого дня?

Элиар бережно подхватывает заваливавшегося на него изнуренного ритуалом Учителя и, более не тратя времени на разговоры и разъяснения, плотнее закутывает его и несет прочь из святилища.

Его светлость мессир Элирий Лестер Лар, Совершенный, Красный жрец, прямой потомок небожителей, рожденный на Утонувшем острове.

Истекающий нечистой кровью, беспомощный как дитя и проклиная собственную невиданную слабость в теле принесенного в жертву мальчишки-полукровки.

Определенно, то был несчастливый день.

Глава 3. Цветущие пионы, острые шипы. Часть 1

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон начала весны

Рыба показывается из-под льда.

День четвертый от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчьего Логова

киноварью

Одеяло за одеялом быстро пропитывались кровью и заменялись новыми.

Обильное горловое кровотечение в конце концов удалось остановить, но жизнь едва удержалась в беспомощном пленнике нового тела: из-за значительной кровопотери он был крайне истощен и, как ни пытались лучшие лекари удержать его в сознании, очень быстро впал в беспамятство.

Это могло привести к худшему варианту развития событий.

Хрупкое чужое тело было нездорово: его мучил то озноб, то невыносимый жар, то приступы внезапного удушья. В крови неясно шевелилась древняя сила. Кровь тяжело перекачивалась, гулко билась, уловленная тесной паутиной вен, а каждый удар сердца отзывался тягучей, изнуряющей болью. Голова раскалывалась на части.

Новое тело Красного жреца боролось само с собою, точнее, кровь принесенного в жертву молодого человека боролась с созревающей в венах совершенной кровью небожителей, воспринимая ее как угрозу, как нечто чужеродное. Конечно, то была неравная битва: священная лотосная кровь всегда одолеет смертную. Но пока борьба еще шла, кости ломило, суставы немилосердно выкручивало, и навалилась такая слабость, что не удавалось даже открыть глаза или произнести вслух что-то осмысленное.

Сквозь тягостный сон и дрожь лихорадки порой доходили до сознания смутные внешние ощущения. Вот чьи-то прохладные пальцы дотрагиваются до горячего лба, заботливо расправляют свежую повязку, смоченную разведенным водой ароматным яблочным уксусом. Сладковато пахнет камелиями, будто кто-то без жалости отломил цветущую красным ветвь зимней розы и принес сюда. И этот кто-то пытается поить его медовым, немного приторным настоем трав, осторожно, по капле заливая снадобье в иссушенные жестоким недугом губы.

Камелия... Лепестки насыщенно-красные, как пылкая взаимная любовь, и такие же недолговечные. Это значит – зима осталась позади. Наступил первый весенний сезон, олицетворяющий собою переход прошлого в будущее. Как возмутительно символично.

Но тело отвергает протянутую ему руку помощи: тело не хочет жить. Смешно сказать: он не имеет никаких ран и не нуждается в перевязках, однако в первый же день едва не истек собственной благородной кровью. Определенно, для столь сложного ритуала подошел бы более крепкий организм. Да и для магии красного цвета в будущем потребуется мощная жизненная сила, которой тут нет и в помине: он находится на пороге смерти, одной ногой по-прежнему стоя в небытии.

А может, дело здесь вовсе не в слабости нового тела? Может, дело в том, что душа не желает покидать небытие?

Стоит прекратить бороться – и душа возвратится в покой. Морские течения унесут прочь и укроют от прошлого, которое совсем не хочется вспоминать. Только дыхание океана будет слабо колыхать холодное сердце, пустой раковиной перекачивая его по улицам прекрасного Лианора.

Вода, вода. Непривычный штиль встревожит тишиной. Само небо утонуло здесь, в зеркальной пучине, и звезды спокойно лежат на дне, как блестящий жемчуг. Не только звезды,

но и белокаменные тесаные мостовые, по которым доводилось беззаботно гулять когда-то, еще совсем мальчишкой. Юность его прошла здесь.

Но все это в прошлом. Теперь же – Лианор пал и покоится на глубине, и просвечивает насквозь мутной зеленым волны, как призрак потерпевшего крушение величественного корабля.

О Лианор, ты поглотил тысячи жизней... и забрал и его собственное сердце.

Воистину, переменчивы благословения небожителей.

Почему же сохранились одни лишь невообразимо далекие, самые ранние воспоминания? Почему не помнит он событий более поздних?

– ...Позвольте вашему ученику позаботиться о вас, мессир, – сквозь пелену дурноты слышит он все тот же гортанный голос, подернутый дымкой усталости и сдержанной печали. Печаль проступает неявно: так сквозь многие слои лака показывается подлинный цвет дерева.

Кажется, прежде не замечал он за своим учеником склонности к меланхолии, – так откуда такая печаль? Откуда, о небожители, взялась она в этом твердом голосе? В голосе, который, словно далекий маяк, выводит его из крошечной тьмы.

Тем временем Элиар берет в руки маленькую золотую чашу в виде цветка вишни, а в ней – темное, как кровь, багряное вино. Что это еще за новые методы лечения? По вогнутому лепестку чаши густое питье аккуратно стекает ему в рот, и становится ясно – это никакое не вино. Это и вправду кровь, и она пахнет лотосом.

Дивный аромат красного лотоса, тот самый аромат, что после кончины его несколько недель стоял в адитуме... Откуда он это помнит?

Мысли понемногу успокаиваются и наконец начинают течь медлительной густой патокой. Корабль-призрак неуверенно ложится на курс.

Удивительно, но он и вправду хорошо помнит корабли – большие галеоны с крылатыми серебряными парусами. Не помня самого себя, помнит пьянящее ощущение зыбкой палубы под ногами, помнит грозную мощь океана, которую они, непревзойденные мореходы, смогли приручить...

Чьи-то пальцы выпускают край покрывала и бережно собирают неприбранные волосы: растрепавшиеся, спутанные, они в беспорядке рассыпаны по подушкам. Так могло быть только в глубоком нездоровье, когда больного боятся лишний раз побеспокоить, дабы не усугубить плачевное состояние. Чужая рука случайно касается горла и цепенеет, будто пораженная необычной беспомощностью лежащего без чувств человека. Он смутно ощущает прикосновение запястья, и, кажется, на нем – ритуальный траурный браслет? Но уже в следующий миг голову ему осторожно приподнимают, высвобождая оставшиеся, сбившиеся за спину длинные пряди.

– Я вижу, ваша светлость, вы почти не хотите жить, – прислушиваясь к прерывистому дыханию спящего, тяжело резюмирует Элиар. Вот уже много часов подряд он молча сидит подле кровати и смотрит, как вздрагивает неспособное вырваться из тяжелого полусна тело, тихо лежащее на простынях. – Никто не в силах запереть дух во плоти против его желания, даже подобрав идеально подходящий сосуд. Если бы это и было возможно, подобное насилие претит мне. Однако ваша душа поверила моим словам и по своей воле откликнулась на зов. В этом решении я узнаю духовную силу того, кого называли когда-то Красным Фениксом Лианора... того, кто прежде не принимал поражения.

Черный перламутровый гребень мягко касается волос, и от этого проявления заботы Элиарий вдруг чувствует желанное успокоение. Перламутр напоминает о милом сердцу море. Долг ученика служить ему и быть рядом – хоть что-то осталось неизблемым в новом незнакомом мире.

Дыхание делается глубже и размереннее.

– Эти пряди – не дивный тонкий шелк волос народа Лианора, и священная речь ли-ан прозвучит несовершенно из уст полукровки. Все это не может не оскорбить ваш дух. Но умерший юноша приятными чертами немного напоминал Учителя. Вам не придется слишком уж ломать чужое тело: сила вашего духа с легкостью исправит недостатки, вернет точеные черты лика Первородного. Потерпите совсем немного, пока лотосная кровь не созреет полностью.

Пальцы ловко сплетают широкую свободную косу, как вдруг, дрогнув, застывают...

Что-то изменилось. Произошло что-то важное. Элиар будто заметил нечто необыкновенное, выходящее из ряда вон, и, боясь ошибиться, приблизил лицо, чтобы рассмотреть внимательнее.

– Учитель не покинет нас, – со спокойным облегчением проговорил он наконец. – Зерна крови Первородных крепко проросли в новом теле. Верное свидетельство тому – серебряная нить в волосах. Это добрый знак. Красные бумажные фонари будут гореть в ваших покоях день и ночь, возвещающая великий праздник.

Элирий немедленно вспомнил: серебро!

Серебро в волосах всегда отличало прямых потомков небожителей. Низшие народы поначалу принимали его за седину, но седина, напротив, не была свойственна воинственному народу Лианора: их волосы – яркий черный обсидиан, что никогда не теряет цвет. И в этих волосах с рождения сияло священное серебро – своеобразный знак качества, знак чистой крови высшей пробы.

И, так как этой самой крови высшей пробы, обладающей магической силой крови небожителей, в их жилах текло не так уж и много, то и серебряные нити можно было перечесать чуть не по пальцам: они появлялись в основном на висках. Чтобы заострить внимание на этой благословенной особенности на Лианоре принято было сплести серебряные пряди в отдельные тонкие косицы. Со временем количество крови небожителей в жилах повелителей людей и вовсе стало стремиться к нулю, но гордость от обладания ею, вопреки этому, все возрастала.

Так и пал однажды великий Лианор, погребенный холодной морской водой и собственной непомерной гордыней.

– Память об ушедшем, о покинувшем этот мир не иссякает с годами, если он достоин памяти. Память о вас живет. И в этой схватке жизни и смерти... жизнь должна победить.

Пальцы ученика замерли, держа прядь его волос, будто святыню, будто явившуюся из небытия давно утерянную реликвию, обладающую чудодейственной силой.

– Хорошо. Теперь и всегда все будет хорошо.

В следующий миг Элиар склонился и молча запечатлел на серебряных волосах поцелуй – чистый поцелуй преданности, подобный тому, который оставляют священнослужители на краю одежд своего верховного жреца.

Печатью такого церемониального поцелуя всегда скреплялись данные клятвы верности.

– С Днем рождения, Учитель.

* * *

Эпоха Красного Солнца. Год 274.

Сезон летнего солнцестояния

Пышно цветут степные ирисы

Великие степи. Халдор

****черной тушью****

То был долгий день середины лета.

Он выдался особенно жарким: постепенно стихали бушевавшие весной порывистые ветры, и сухой воздух, успокоившись, недвижимым маревом стоял перед глазами. Всюду разно-

сились запахи буйно цветущих кустарников и нежный, еле различимый, – жимолости, а высоко в небе безмятежно парили птицы. Травы отдавали сладковатым и пряным: ароматы смешивались и стелились под ногами так густо, что хотелось с головой окунуться в их манящее тепло.

Полуденное солнце уже набрало силу, и ослепительное сияние заливало Великие степи до краев, как гигантскую глиняную чашу. Иссушенная степная земля отдавала дымной горечью; степи наполнились пением насекомых: несмолкающий звон поднимался над нагретыми камнями и пылью. Это был благословенный сезон самых длинных дней и самых коротких ночей.

Высокими кострами полыхало лето.

Однако, несмотря на царящую вокруг сонную атмосферу благодати, то был дрянной день. Худший день в его жизни.

Жара не мешала Райару привычно упражняться в искусстве боя, с удовольствием перенимая опыт старших товарищей, как вдруг во временном лагере кочевников неожиданными гостями объявились чужаки. Красный цвет их одежд, щедро разбавленный белым, был печально известен на Материке и запрещен для ношения всем, кроме Карателей – элитных бойцов Красного ордена Ром-Белиата.

Испокон веку появление их не сулило ровным счетом ничего хорошего, и соплеменники ошутимо напряглись, побросав свои повседневные дела. Однако, несмотря на дурную славу, мирных посланцев Запретного города чревато принимать без должного уважения, а потому им оказали почести, надо сказать, намного превосходящие законы южного гостеприимства, и без того не свойственного свирепому племени Халдора – Степным Волкам. Сам вождь вышел навстречу посольству.

Среди незваных визитеров особенно явственно выделялся один: наверняка именно его и сопровождали Каратели. Райар настороженно покачал головой. Какое роскошество – использовать дюжину непревзойденных орденских воинов в качестве личной охраны! Или свиты? Важная птица, как ни посмотри. Вон и жеребец у него – грациозный, будто из фарфора, редкой вороной масти с серебристо-белой гривой и хвостом.

Горделивый скакун почти парил над землей; в алом шелковом седле статный всадник не шевелился, сидел как влитой, походя на древнюю конную статую. Великолепный, будто высеченный из черного камня, жеребец остановился и застыл в эффектной позе, но в том мастерстве была заслуга не чужеземца, а самого племенного животного. Да, пришелец прекрасно держался в седле, но наметанный глаз Райара различил, что ездить верхом все же не слишком привычно для него. Сразу видно: из господ, предпочитающих передвигаться с комфортом, в экипажах или носилках.

Мальчишка пренебрежительно фыркнул: воистину, такому подойдет только тщательно выезженный конь, а если вдруг понесет – неопытный всадник не сумеет справиться с ним.

Райар же, как и всякий кочевник, мог показать чудеса выездки. Жеребец должен чувствовать малейшее желание всадника – это не пустая прихоть, в бою от этого порой зависит жизнь. Как и все степняки, Райар был страстным любителем лошадей и знал толк в благородных животных. С детства он решительно не доверял людям, которые не любят лошадей: определено, была в них какая-то гнильца, неискоренимый душевный изъян. Только полные ничтожества могли не замечать их верности и бескорыстной привязанности. Для кочевника боевой конь был первый друг и компаньон, а для этого... гостя... – так, средство передвижения.

И, как будто пышного эскорта и дорогостоящего жеребца было недостаточно, одежды незнакомца также приковывали к себе всеобщее внимание. Окинув их взглядом, Райар только присвистнул. Насыщенный темно-багряный оттенок поистине редко доводилось увидеть так далеко от стен Ром-Белиата. Цвет красной вишни! Статусный цвет, дозволенный для ношения только высшим иерархам храма Закатного Солнца.

При священнослужителе не было заметно никакого оружия, лишь на бедре угрожающе покачивалась примечательного вида плеть: казалось, в ней заперто злое пламя.

Хвост Феникса – знаменитое духовное оружие Красного жреца!

Неужто это и вправду Красный жрец собственной персоной?.. Тот мог позволить себе не носить меча. Заинтригованный донельзя, Райар влез повыше на ограждения тренировочного круга и всмотрелся внимательнее.

Облик чужеземца поразил его. Строгий лик своей надменностью напоминал вырезанных из камня языческих идолов степных народов, жестоких каменных богов. Прибывший держал себя с достоинством высокороджденного аристократа, а если кому-то, чтобы понять это, не хватало безупречных манер, макушку венчала причудливой формы заколка с красной яшмой.

Нечасто можно было встретить носящих такое ранговое украшение. Сверкая серебром, оно громко сообщало окружающим об особенном статусе владельца: принадлежности к высшей родовой знати Ром-Белиата, Запретного города. О том же говорили и необычные серебряные пряди, обрамляющие узкое лицо Совершенного – красивое молодое лицо, испорченное лишь намертво застывшим на нем надменным выражением... волнующее жестокое лицо.

По правде говоря, от этой странной красоты, преисполненной вьевшимся в кожу чувством собственного превосходства, делалось немного не по себе. Как может красота принадлежать настолько высокомерному человеку? Он ведь считает себя непогрешимым, не иначе!

Взгляд пришельца безразлично скользил поверх голов собравшихся. Уголки глаз подчеркивали красные тени, сами глаза – холодный океан.

Райар никогда не видел океана, но почему-то казалось: он должен выглядеть именно так. Во всяком случае, в Великих степях не было ничего для сравнения, имеющего такой же удивительно глубокий цвет. В раннем детстве мать говорила об этом – о необычном оттенке глаз, выдающем голубую кровь. Священный цвет циан – изменчивый цвет морской воды, своеобразный отличительный признак Совершенных. Ну, не считая, конечно, жестокости – известной болезни морского народа. Потомки небожителей от природы ослеплены гордыней, в сердцах их нет милосердия к тем, кого они называют неполноценными – то есть ко всем остальным.

Почуввав пристальный взгляд, Красный жрец чуть повернул голову и, в свою очередь, посмотрел Райару прямо в лицо. Кажется, он был озадачен оттого, что мальчишка не смущается и продолжает нахально глазеть в ответ.

Немудрено, что наружность его привлекла внимание чужеземца. Волосы Райар собрал на макушке в высокий волчий хвост, как принято среди воинов племени Степных Волков. Это было вполне обычно, а вот цвет... цвет этих самых волос резко выходил за границы обычного и говорил о том, что к человеческой крови кочевника щедро примешалась чужая кровь.

Небесная кровь выходцев из Лианора.

Глава 4. Цветущие пионы, острые шипы. Часть 2

Эпоха Красного Солнца. Год 274.

Сезон летнего солнцестояния

Пышно цветут степные ирисы

Великие степи. Халдор

****черной тушью****

Голос Красного жреца оказался глубоким, как море.

Но звучал этот голос устало и безучастно. До тренировочного круга едва доносились обрывки сухих фраз из разговора с отцом:

— ...ты слушал меня невнимательно, вождь. Разве я что-то сказал про смерть? Мне нужна жизнь твоего сына, и ею я распоряжусь, как посчитаю нужным. Тебя это больше не касается.

Райар почувствовал, как сердце тревожно заныло в груди, но все еще не понимал, что значат лично для него эти загадочные слова про жизнь и смерть.

Великий Лианор взрастил народ завоевателей, три столетних периода назад терроризировавших весь Материк. Влекомый ветрами, Священный остров дрейфовал в Полуденном море, и точное местонахождение его всегда было тайной для жителей Материка. Мореходы Совершенных изучили траекторию движения Лианора, и корабли их всегда могли найти дорогу домой; для остальных же обнаружить край Вечной Весны было практически невозможно. Разве что кто-то мог наткнуться случайно, но, вернувшись на то же место, обнаружил бы лишь пустые волны.

Так вышло, что темными и жестокими деяниями Совершенные осквернили свое гордое имя и происхождение, в конце концов вызвав гнев высочайших покровителей: небесная твердь пролилась дождем из огня и серы и погребла под собою Священный остров. Морские воды поднялись выше самых высоких гор Лианора и сошлись над ним, ниспровергнув повелителей людей и уничтожив, как говорят, самую прекрасную землю из всех, что когда-либо существовала.

Как ни велика была трагедия и тоска по утраченному, а многие в те годы вздохнули с облегчением. Хвала небесам, благословенная цивилизация Лианора навеки сгинула в небытие!

Но уцелевшие не желали забывать прошлое. Они ведь богоизбранный народ, народ-богоносец! Одержимые идеей собственной исключительности, Совершенные не оставили попыток возродить утерянное государство на суше, и немалую роль в этом сыграл как раз таки явившийся к ним сегодня Красный жрец. Осевшие на Материке разрозненные выходцы из Лианора сплотились под его рукой и основали на Востоке Запретный город Ром-Белиат, первый правопреемник Лианора, а затем и затмивший его размахом и величием восьмивратный город Бенну, сияющую в зените славы Янтарную Слезу Запада. Так цивилизация Лианора возродилась на Материке – подобно фениксу, восставшему из пепла. Так закончилось Смутное время и началась эпоха Второго Рассвета, эпоха Красного Солнца.

Райару, разумеется, не доводилось бывать ни в одном из двух великих городов Оси, однако Бенну, привлекающий за свои стены многие народы Материка, располагал к себе как-то больше гордого Ром-Белиата, продолжавшего упрямо стоять на принципах чистоты крови. Там жила, как говорили, исключительно элита и высший свет общества Совершенных. И там же, город в городе, располагалась легендарная Красная цитадель.

Степные боги были суровыми и редко внимали молитвам кочевников. Лицемерные же божества морского народа прощали тем все что угодно: любые беззакония и зверства на покоренных «диких землях», как Совершенные презрительно именовали Материк. Увы, спустя сорок семь лет после гибели Священного острова высшие небожители сменили гнев на милость

и вновь снизошли до молитв жрецов Совершенных, ниспослав в новый храм Закатного Солнца благодатный небесный огонь, символ нового благословения. С тех пор наследники Лианора, великие города Оси Ром-Белиат и Бенну, изрядно попортили крови жителям Материка, притесняя и угнетая их вот уже несколько поколений.

Зная все это, Райар вовсе не гордился наличием в своих жилах доставшейся от матери небесной крови народа Совершенных, к которому она принадлежала.

Красный жрец неожиданно изменил свой маршрут и, окруженный следовавшими неотступно Карателями, направился напрямик к его импровизированному наблюдательному пункту. Статусные одежды гостя развевались при движении, подобно огненным крыльям феникса. Отец следовал за ним, как привязанный, и непривычная обходительность его неприятно удивила Райара.

Подойдя ближе, посланник из Ром-Белиата дал знак спуститься с ограждений, и Райар неожиданно для самого себя послушался. Странного цвета глаза смотрели на него в упор, будто лишая воли, и он сам не заметил, как Красный жрец взял его за руку и кончиком указательного пальца начертил на ладони какой-то знак.

Несмотря на жару, узкая кисть жреца оказалась приятно прохладна, как тенистый ручей.

Придя в себя, Райар нахмурился и хотел было вырваться, как вдруг по только что проведенным линиям начало разливаться сияние. Словно диковинная раскаленная печать, словно свежее клеймо, знак на ладони ярко разгорался алым и с каждой секундой набирал свой чистый цвет.

Глаза выходца из Лианора удивленно расширились, и он сам выпустил руку Райара.

– Представь меня, – коротко бросил кому-то жрец, не поворачивая головы.

Один из воинов в бледно-красном немедленно шагнул вперед и с почтением представил чужеземца полным именем и титулом:

– Перед тобою его светлость мессир Элирий Лестер Лар, Совершенный, рожденный на Священном острове, Великий Иерофант Ром-Белиата, Наместник небожителей на земле, верховный жрец храма Закатного Солнца, глава Красного ордена, обладатель священного цвета, называемый также Красным Фениксом Лианора.

Райар оторопел: видано ли, сколько лишних слов! Пустое сотрясание воздуха, смешно даже. Вольные степняки испокон веку носили только одно имя, которого было вполне достаточно, но Совершенные, как и всегда, все слишком усложняли. Нужно ли говорить: подобная вычурность раздражает и только?

Хотя, нельзя не признать, все эти напыщенные громкие титулы звучат довольно-таки устрашающе.

– Как твое имя? – в свой черед спросил Красный жрец. Его медоточивый голос оказался до странности притягательным, мягко принуждающим вслушиваться в сказанное.

– Райар, сын Тьера.

– Неверный ответ.

Без лишних объяснений выходец из Лианора ударил Райара по лицу.

От неожиданности тот покачнулся и едва удержался на ногах. Впрочем, нельзя сказать, что от одной только неожиданности: Красный жрец не выглядел столь же внушительно, как обступавшие его профессиональные орденские бойцы, но рука его оказалась тяжела.

– Но это действительно мое имя! – вспыхнув, в недоумении бросил Райар.

Губы саднили от унижительной, до слез обидной пощечины, которую ему отвесили на глазах у вождя и всего племени.

– Больше нет, – тоном, не терпящим возражений, заметил Совершенный. – В Ром-Белиате у рабов не бывает имен.

– Я вовсе не раб, – непреклонно заявил Райар, непонимающе глядя на отца. – Я сын вождя Степных Волков!

Его светлость мессир Элирий Лестер Лар покачал головой и раздраженно произнес что-то в ответ – на языке певучем и вязком, как горько-сладкий акациевый мед.

Каратель, которому прежде приказано было представить его, незамедлительно перевел на стандартную речь Материка:

– В твоих жилах течет кровь потомков небожителей, и она оказалась достаточно чиста, чтобы накапливать красный цвет. Это редкий дар, и способности твои велики, а потому ты поступишь на службу в храм Закатного Солнца и его светлость мессир Элирий Лестер Лар сам соблаговолит стать твоим Учителем. Тебе оказана большая честь. Но, поскольку низкое происхождение не позволяет занять положение выше положения раба, личного имени у тебя не будет. Конечно, если твой господин не захочет однажды его даровать. Кроме того, тебе придется как можно скорее выучить ли-ан, Высшую речь, древний язык Лианора, так что слушай внимательно, что говорит мессир Лар, и крепко запоминай.

Цвет – что-то вроде духовной энергии, лихорадочно вспомнил ошеломленный происходящим балаганом Райар. Способность накапливать цвет врожденная и проявляется, если кровь чиста и сильна. Сам же цвет зависит от личных качеств человека. В обществе потомков небожителей такие выдающиеся люди стоят на высшей ступени иерархии... Но почему все это должно теперь касаться его?

– Я – воин и не хочу быть служителем храма, – отрезал он. – Я не надену сутану! И у меня есть имя.

Красный жрец вновь посмотрел на него – с холодным презрением, как смотрят на последнее отребье или на мусор под ногами.

– А отваги тебе не занимать, звереныш. – Он только пожал плечами. – А что насчет ответственности за свои необдуманные слова?

Жрец щелкнул пальцами и небрежно стряхнул с кончиков алый сгусток энергии. Красный цвет немедленно пролился в воздух – и несколько человек вокруг, до того с любопытством наблюдавших за их перепалкой, просто повалились замертво. Тихо и молча, не издав ни единого звука!

– Ты виновен в их смерти, – спокойно и безжалостно пояснил Красный жрец. Взгляд его казался почти ласковым. – Они погибли из-за твоей дерзости и непокорности.

Райар молчал.

Что, так все просто? Жрец легко взмахнул рукой, и все эти люди действительно... мертвы? Воистину, выходцы из Лианора подобны небожителям. Народ, угнетающий их долгие годы, имел для этого достаточно сил.

Ситуация выходила из-под контроля. Придя в ярость от выходки чужака, соплеменники похватались было за оружие, но вождь упреждающе поднял руку, призывая к тишине. Заменяя беспокойство степняков, Каратели также достали из ножен мечи, а Красный жрец лениво положил ладонь на рукоять Хвоста Феникса. Солнце над их головами палило нещадно, словно придавая сил своему служителю.

С лица Райара сошли краски. Красный жрец только усмехнулся, видя, как бледнеет лицо мальчишки. Пламенная плеть в руке в мгновение ока изменила внешний вид: как живая, она затрепетала под рукой своего хозяина, обильно разбрызгивая алые снопы искр, будто рвалась в бой. Плеть Тысячи Образов – так называли Хвост Феникса за способность менять обличье в зависимости от желания владельца и от ситуации, в которой ее собирались применить. Длинные пальцы жреца, словно моток красных ниток, окутывало пульсирующее красноватое сияние.

– Свободные не слушают плеть. – Райар мрачно насупился, не отрывая глаз от знаменитого духовного артефакта.

Красный жрец чуть приподнял бровь, в холодных глазах появились смешинки.

– Все эти земли с живущими на них принадлежат Ром-Белиату. – Широким жестом он обвел вокруг себя, массивным кнутовищем очерчивая всю необъятную территорию Великих степей. – Ром-Белиат не имеет границ. Разве не знаешь ты девиз нашего города?

– Лучше умереть, чем жить в рабстве!.. – с угрозой в голосе вскинулся Райар.

В этот раз он даже не успел заметить, что произошло, просто вдруг захлебнулся горячим и сладким воздухом. Линия горизонта резко перевернулась, опрокинулась, и чистое летнее небо неспешно потекло над ним. Взметнулась плеть из огня и с хлестким звуком опустилась на свою жертву.

А вокруг горла оплелся, распускаясь цветами жгучей боли, тугой огненный ошейник.

– Ты неводержан на язык, говоря со старшими, – услышал он уже знакомый медовый голос Совершенного. – Таких, как ты, непослушных учеников в храме Закатного Солнца принято сечь розгами. Получишь их по прибытии во храмовом флигеле для наказаний... ах да...

Красный жрец вдруг вспомнил что-то и поморщился.

– Ты ведь мой личный ученик, маленький волчонок. Радуйся: тебя не посмеет тронуть никто, кроме меня.

Прекрасное время для нотаций, ничего не скажешь! Стремясь избежать ожогов, Райар отчаянно извивался на земле в попытках освободиться, но удавка крепко держала его. Рот и нос забила сухая пыль. Дыхание стало прерывистым, боль заслонила все – задыхаясь, он словно поплыл куда-то прочь в вязком туманном мареве...

– Райар! – откуда-то издалека строго одернул его отец. – Не упрямься! Поезжай. Твой отъезд в храм – единственное условие нашего будущего мира. Мессир Красный жрец дал слово, что воины Ром-Белиата не вернутся в эти края, если ты отправишься с ним. Сделай это для нашего народа. Подумай о Халдоре.

Окрик отца подействовал на Райара хуже унижительной прилюдной пощечины чужеземца. Щеки до сих пор горели, помня ее. Смятение охватило сердце. Его, сына вождя, позволят увести в постыдный плен? Они и вправду готовы принести его в жертву прихотям мерзких жрецов? Кочевник замер, прекратив сопротивление, и плеть немедленно отпустила его.

В полной растерянности Райар остался лежать навзничь, бессознательно касаясь горла. Кажется, ожогов не было – неужели боль от прикосновения пламени имела не физическую, но ментальную природу? Должно быть, так, иначе Красный Феникс уже умертвил бы его огнем своей знаменитой плети.

Солнце отбрасывало голубые тени, одуряюще пахло прелой землей, листвой и еще чем-то. Взгляд бесцельно скользнул в сторону и вдруг упал на корону выглядывавшего из трав большого ириса, беззастенчиво изливавшего свой аромат. Розово-фиолетовый, редкого лавандового оттенка цветок удивил своей неожиданной красотой, а листья его оказались похожи на лезвия узких изогнутых мечей, что висели на расшитых поясах Карателей Красного ордена. Говорят, ирисы можно использовать как живые обереги – по поверьям степного народа они защищают от несчастий.

Врут. От сегодняшнего несчастья нежный лавандовый ирис его не спас. Привкус крови во рту причудливо смешивался с ароматом беспечно цветущих лугов. Травяной океан заволновался от порыва внезапного ветра.

– Поезжай в Ром-Белиат, Райар, – тихо повторил отец, видя, что он так и продолжает упрямо лежать на земле. – Ты привыкнешь.

– На тебя возложена миссия мира, – коротко подтвердил Красный жрец, мельком глянув на занимавший упертого мальчишку цветок. В восточных краях ирис тоже пользовался большим уважением, считаясь символом верности до самой смерти. – Степные Волки отдадут тебя в храм Закатного Солнца в обмен на мир, в залог последующих мирных отношений. Так будет лучше всем – ты не один из них. Согласен ехать со мной по доброй воле, или придется всю дорогу волочь тебя за лошадю на аркане, а по Запретному городу везти в железной клетке?

Райар угрюмо кивнул, наконец-то вставая и отряхивая одежду от вездесущей пыли.

– Согласен.

– Хвала небожителям, ты осознал, что был неправ, и исполнился раскаяния, – шелковым голосом сказал Красный жрец, упрятывая страшную плеть за пояс.

Райар сжал кулаки, но промолчал. От досады на самого себя и на все творящееся вокруг он злился и одновременно чувствовал ужасную, мучительную беспомощность, будто саму земную опору грубо выдернули у него из-под ног. Под жестокой рукой новоявленного наставника знакомый мир трескался и крошился, как цветное стекло.

– Прощайте, – с трудом сумел вымолвить он, коротко обращаясь к отцу и к появившемуся рядом старшему брату, с откровенным неодобрением взирающему на происходящее. – Я сделаю то, что нужно для Халдора.

– Твое имя? – на ли-ан повторил уже знакомый вопрос Совершенный. Слова текли с четко очерченных губ, как дивная музыка. Несмотря на всю неприязнь, что внушал ему Красный жрец, сопротивляться силе этого голоса было невозможно.

– У меня... нет имени, – сгорая от стыда и с трудом подавляемого гнева, сквозь зубы выдавил Райар.

Неужели проклятый наставник будет теперь издеваться над ним всю жизнь? Нет, невозможно примириться с таким положением дел. Этот гнусный человек должен заплатить за все, что творит безнаказанно в Великих степях. Как только получится, как только выпадет счастливый шанс, Райар воздаст высокомерному ублюдку по заслугам! Видят боги, Совершенный даст ему ответ за все!

«Однажды я убью тебя, Красный Феникс Лианора».

Услышав удовлетворительный ответ, Красный Феникс равнодушно отвернулся от Райара, будто тут же позабыл о его существовании. Разговор был окончен.

Травы шевелились вокруг – по пояс высотой.

Глава 5. Феникс распускает хвост. Часть 1

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон дождевой воды

Долгожданные дожди драгоценны как масло.

День шестой от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчьего Логова

киноварью

Всю ночь ему снился дождь.

В сознании струился невнятный шепот воды, похожий на шелест пенной волны о песок, а может, и вправду тихонько сползали по стеклам прозрачные капли. Как бы то ни было, рассвет случился солнечным и обещал погожий день: большие оранжевые пятна так и сочились сквозь полуприкрытые веки.

Плотная муаровая ткань полностью занавешивала кровать, надежно укрывая спящего от посторонних взглядов. Только одна из складок была слегка приоткрыта: красный шелк играл, отливая на ярком свету. Алыми были и простыни, и шуршащие от малейшего движения парчовые покрывала, плотные, расшитые пышными пионами; от волнообразных переливов богатых оттенков красного на душе становилось тепло.

Расфокусированным взглядом Элирий обвел спальную комнату. Он чувствовал себя порядком дезориентированным, но понемногу, хвала небожителям, сознание выплывало из беспокойного полузабытья. Повсюду огнем горели маки: большими цветочными головками было убрано и изголовье, и изножье кровати. Ох, сколько же тут цветов... он что, снова умер? Кровать была слишком широкой для одного, и для раскрывшихся бутонов в ней нашлось довольно места.

А вот в спальном комнате он оказался не один.

У самого изголовья, скорчившись в придвинутом вплотную низком кресле, ожидала его пробуждения молодая женщина. На широкой подставке рядом с нею лежал полный набор одежд запрещенного для ношения цвета красной вишни: тончайшая вышивка закатных солнц причудливыми узорами вилась по рукавам и подолу, как в старые добрые времена.

Похоже, сиделка дежурила тут уже очень давно и от усталости успела задремать. Однако, шестым чувством уловив слабое шевеление, тут же встрепенулась и хищным движением подняла голову, пристально глядя на Элирия сквозь алую пелену балдахина.

Элирий задумался. Сквозь сон он помнил прикосновения – бережные, чуткие... интересно, кто заботился о нем все это время? Присматривавшая за ним меж тем бойко вскочила на ноги и дикой куницей метнулась было к дверям, но раздавшийся голос как пущенная вдогонку охотничья стрела остановил беглянку и пригвоздил обратно к креслу:

– Нет! – Голос был по-прежнему не его светлости мессира Элирия Лестера Лара, однако знакомые высокомерные нотки наследников Утонувшего острова уже явственно прорезались в нем. Это пресловутое высокомерие все они впитали с молоком матери. – Не зови его.

Женщина помедлила, размышляя над услышанным. По-видимому, ей наказали относиться к подопечному с большим почтением и исполнять любые высказанные им просьбы; в то же самое время полагалось сообщить, если больной придет в себя или же в состоянии его произойдет любая другая перемена. Сейчас распоряжения неожиданно вступили в противоречие, и одно из них так или иначе придется нарушить. Осталось лишь выбрать, какое именно.

Наконец женщина расставила приоритеты. Она вновь поднялась и осторожно приблизилась к утопающей в красных цветах кровати, воззрившись на Элирия, как на призрак.

Элирий, в свою очередь, с любопытством глядел на новую знакомую, придирчиво рассматривая малейшие детали наружности. Женщина была облачена в наглухо закрытую черную с золотым сутану, строгого кроя, напоминающую военное мундирное платье. Жесткий стоячий ворот до подбородка, узор на кромке рукавов, а также некоторые детали фасона говорили о положении храмового иерарха самого высокого ранга. На груди красовался почетный орден в виде восьмилучевого антрацитового солнца, окончательно подтверждая значимый статус женщины. Определенно, она была опытной боевой жрицей, вероятнее всего, Первым иерархом.

Идеально сидевшая орденская форма шла ей, но выходцу из Лианора трудно было бы назвать женщину красивой: нечистая кровь не давала облику благородных контрастов, свойственных носителям небесной крови. Однако женщина выглядела довольно приятно, имела правильные черты лица, а в темных глазах светился живой, незаурядный ум.

– Мессир желает побыть один? – Цепким взглядом жрица всмотрелась ему в лицо, стараясь оценить состояние больного как можно точнее. – Мессир чувствует себя лучше?

– Ты имеешь право говорить со мной? – немало удивился Элирий, но все же благодушно снизошел до ответа на стандартном языке Материка: – Да, мне немного лучше. Как твое имя?

– Шеата, ваша светлость.

Элирий поморщился. Он вдруг вспомнил – эта низкорощенная женщина присутствовала на ритуале в алтарной комнате. Да, именно ее голос услышал он самым первым по возвращении из небытия.

– Прошу прощения, – сдержанно извинилась Шеата. – Само звучание моего имени оскорбляет ваш слух.

Не обращая никакого внимания на ее слова, Элирий попытался сесть в кровати. Голова немедленно закружилась. Он и не представлял, что можно настолько ослабеть физически. Плохо дело.

– Шеата, помоги мне подняться.

Она ощутимо напряглась, кажется, начиная сожалеть, что не ускользнула, когда была возможность.

– Прошу мессира оставаться в постели, – очень вежливо обратилась жрица, вызывая к его благоразумию. – Вы не в полной мере оправились от ритуала и все еще слишком слабы. Мне не следует касаться вас: господин будет крайне недоволен.

Элирий и сам отнюдь не пребывал в щенячьем восторге от перспективы принять помощь от низшего существа, но альтернативных вариантов пока не находилось.

– Думаешь, если позволишь мне упасть на пол, он останется крайне доволен?

Представив упомянутое развитие событий, Шеата слегка побледнела. Нет, она никак не могла допустить этого, оставив подопечного без помощи. И определенно, у нее не было полномочий запрещать ему что-либо. Вот и славно.

– Ваша светлость не привыкла к слабости, – поспешила ответить Шеата, кажется, раскрывая его затею, – но слабым быть не стыдно. Это лишь временный побочный эффект ритуала, который вскоре пройдет...

Не давая ей времени развить свою мысль в попытке отговорить, Элирий решительно откинул край покрывала, порываясь встать. Поддавшись этой манипуляции, Шеата рефлекторно поддержала его и помогла спустить ноги, одновременно оправляя сбившиеся в лихорадочном сне нижние одежды. На лице жрицы мелькнуло растерянное и несчастное выражение, но спорить и повторно высказывать свое мнение вслух она не осмелилась.

Однако заявить оказалось куда проще, чем сделать. Элирий сжал зубы: пол качался и проваливался куда-то, предательски уплывая из-под ног, будто флагманский корабль его угодил в шторм. Заметив эти трудности, Шеата тут же подставила плечо, уверенно удерживая его вес. Она оказалась высока ростом и, по всей видимости, помимо физической силы, обладала навыками и характером превосходно тренированного бойца.

– Я хочу увидеть... себя.

Шеата понимающе кивнула и, осторожно обхватив Элирия за талию, фактически потащила его к выходу. Миновав лунные ворота – дверной проем округлой формы, – они оказались в просторной библиотеке, соединенной со спальней небольшим коридором. На стенах, расположенные со знанием дела, висели восхитительные образцы живописи и старой каллиграфии, достаточно порывистой и сильной, а на книжных полках покоились многочисленные увесистые тома. Каллиграфия показалась как будто знакомой и говорила об утонченном вкусе, но Элирий не стал задерживаться, чтобы с чувством полюбоваться ею или изучить внушительное собрание книг. Сил и так не доставало.

Наконец, передвигаясь с похвальной скоростью умирающей черепахи, они приблизились к большому зеркалу: то занимало целую стену уютного читального зала с купольной крышей. Элирий чуть помедлил, прежде чем нетвердой рукой раздвинуть занавеси и заглянуть в него – с опаской, как заглядывают в омут.

Долгие годы истерлись из памяти: он не помнил свою жизнь, не помнил самого себя. Что скрывается там, в прошлом? И кем он стал в настоящем?

Но что толку изводить себя домыслами?

...Незнакомец охотно ответил на его взгляд, жадно всматриваясь с той стороны зеркального стекла.

Красный Феникс усмехнулся: в новой реальности он выглядел столь миловидным и хрупким, что это было почти невыносимо. На вид несчастной жертве ритуальной казни едва сровнялось шестнадцать лет. Очень молодое лицо, безупречное, словно лик фарфоровой куклы. Длинные волосы, как драгоценная смола, текли с плеча, заплетенные свободно, но аккуратно, перевязанные красной лентой. Черты такие изящные, что сразу и не определить, юноша перед ним или девушка.

И все-таки черты эти были до боли знакомы и живо напомнили Элирию о нежной юности, прошедшей на Лианоре.

А самое главное – глаза. Лучистые глаза насквозь просвечивали морем: яркая синева и зелень сплетались в них, сочетались причудливо и яростно, как океан любовно сочетается с небесами в час шторма. Цвет циан тревожил, терпко напоминая о бездонной морской бездне... напоминая о доме, что он потерял. Эти глаза – отличительный знак чистокровных, свидетельство породы.

Пречистый взгляд потомков небожителей – признак неизбывного превосходства Совершенных.

– Как только удалось ему найти человека, столь разительно похожего на меня? – рассеянно пробормотал Элирий. – Удивительно. Неужто успело уже сказаться преобразующее воздействие лотосной крови?

Шеата тихонько рассмеялась за его спиной. Услышав смех, Элирий в недоумении обернулся.

– Простите, мессир. – Она смутилась и немедленно спрятала недопустимую улыбку. – В наше время невозможно найти человека, внешне похожего на вас. Тысячелетние династии Лианора прерваны, священная кровь утратила благословение небес. Великий Иерофант затратил много времени и усилий, чтобы вырастить подходящее тело. Идеальное тело, которое он сумел бы использовать в качестве вместилища духа и сознания мессира.

Элирий похолодел. Что-то в словах жрицы подспудно встревожило его и неприятным грузом легло на сердце.

– И как долго он занимался этим?

Шеата замялась, кажется, сообразив, что ненароком сболтнула лишнего. Похоже, она находилась под сильным впечатлением от того, что ритуал прошел столь успешно и Красный Феникс Лианора стоит перед нею собственной персоной.

– Сейчас середина третьего столетнего периода эпохи Черного Солнца, год 59. Совсем недавно начался первый весенний сезон, мессир.

– Первый день первого сезона весны? – задумчиво переспросил Элирий. – Кажется, я родился в этот день.

– Совершенно верно, ваша светлость.

– Познавательно, но разве об этом я задал вопрос?

Шеата снова замешкалась.

– Возможно, мессиру будет любопытно узнать, с какого события мы ведем новое летоисчисление. – Избегая прямого ответа, она отвела глаза.

– Разве не с того же самого, что и прежде?

Шеата вновь ненадолго задумалась, прежде чем нашлась, что сказать. На нее было жалко смотреть: по какой-то, скрытой пока причине весь этот разговор доставлял ей немало неудобств.

– Эпоха Красного Солнца, которую помнит мессир Лар, началась с падения Лианора, не так ли?

Элирий сухо кивнул: именно так. То была Эпоха Второго Рассвета, и она сменила собой краткую эпоху Сумерек и темную эпоху Последних Дней, во времена которых он и был рожден на Утонувшем острове. И уже вскоре после его рождения сияющий в свете огненных солнц Лианор погрузился в морскую пучину. Создатели сами уничтожили свое творение, и бывшая мощь Лианора сгинула в бездну вместе с ним.

Все это было живо и ясно в памяти, словно произошло только вчера. Словно сердце его по-прежнему в тисках непрестанных молитв, на которые нет ответа. День за днем, день за днем – и так сорок семь лет, показавшихся бесконечностью, пока в построенный им храм не снизошел благодатный огонь и утерянное благословение небожителей не было восстановлено.

– Как я вижу, мое имя тебе хорошо известно... – проницательно заметил Элирий, обратив внимание, что к нему обратились третьим, наиболее официальным именем, произносить которое вместе со статусным обращением мог всякий. – А твой господин – каким именем велит он называть себя?

Шеата покачала головой и сдержанно улыбнулась – насколько позволял этикет в присутствии вышестоящего.

– Никто не называет его высокопреосвященство Великого Иерофанта, Наместника небожителей, по имени. Для этого существует высший духовный титул. А то имя на Запретном языке, которым мессир Лар звал его, тем более нельзя произносить вслух таким, как мы.

– Имя, которым я звал?.. – удивленно переспросил он.

– Да, в беспамятстве вы не один раз произнесли его, очень похожее на ваше собственное первое имя.

Элирий в досаде скривился. Он действительно звал своего ученика? Как глупо. Должно быть потому, что Элиар – единственное имя, которое до сих пор ему удалось вспомнить.

– Казалось, вы хотите как можно скорее увидеть его, – мягко продолжила жрица. – Вы ведь не могли знать, что все эти дни господин был рядом, отлучаясь лишь по крайней необходимости. А потому призывали его так настойчиво.

Элирий вздохнул и мысленно закатил глаза. О небожители, этого еще не хватало. В минуты слабости он звал на помощь волчонка – вот что тот решит.

– Совершенный язык, Высшая речь ли-ан запрещена? – Он решил переменить тему.

– Да, мессир Лар.

Шеата помолчала и, собравшись с духом, закончила свою мысль:

– Эпоха Черного Солнца началась с падения Ром-Белиата, разрушения Красной цитадели и... вашего безвременного ухода из мира. Именно с этого дня мы отсчитываем новое время.

Что? Элирий окаменел: услышанное не укладывалось в голове. Сердце застучало сильнее, угрожая вырваться из груди.

Вот уже триста пятьдесят девять раз приходила зима без него? Триста пятьдесят девять раз, в дни нестерпимой жары, жители великих городов Оси запускали в небо беззаботные летние фейерверки? Триста пятьдесят девять раз осыпались в карнавале листопада раскидистые деревья – знаменитые золотистые вязы Бенну и багряно-красные клены Ром-Белиата? Сухую осенней листвой опали десятки тысяч дней... сорванные ветром потери, летящие в небытие.

Неужели так долго душа его блуждала вне времени?

Неужели почти четыре сотни лет длился его сон?

Время утекло, как вода меж пальцев. Остались ли еще стоять сами эти древние города?

Как ужасно – не помнить часть своей жизни... но, как знать, не лучше ли пребывать в блаженном неведении. Возможно ли, что не сохранилось ничего из того, что он знал, что было ему дорого?

Не укладывается в голове... прошло слишком много времени. Но – получилось так, что он обманул время. Будто то была не смерть, а лишь краткая тень, внезапно набежавшая на его солнце. Когда жизнь заканчивается, это может оказаться только началом пути. Чтобы что-то родилось, прежде что-то должно умереть.

– Где мы находимся сейчас? – Элирий был потрясен, но бросил на Шеату непроницаемый взгляд, внешне сохраняя спокойствие.

– В великом городе Бенну, ваша светлость.

Восьмивратный город Бенну, сияющая в зените славы Янтарная Слеза Запада! Значит, он уцелел в жерновах времени. Значит, что-то из прошлого по-прежнему реально.

Вечный город Бенну получил свое прозвание за то, что в здешних краях море было щедро на самоцветы. Во время янтарных бурь волны исторгали из бездны и выносили на побережье несметное количество молодого морского янтаря – и его собирали бочками. Запасы солнечного камня в городе сделались велики, промысел и обработка достигли небывалых высот: изящные фигуры из желтой бронзы и янтаря в изобилии украшали улицы и вязовые аллеи.

– Что произошло с Ром-Белиатом? – Элирий остро боялся ответа, но все же решился спросить: неизвестность мучила еще сильнее. – Запретный город... он уничтожен?

Шеата уклончиво отвела взгляд.

– Простите, мессир Лар. Думаю, все эти вопросы лучше задать его высокопреосвященству в личной беседе. Ваша покорная слуга может что-то напутать в древней истории и невольно ввести вас в заблуждение.

Элирий едва заметно кивнул. Вероятнее всего, Шеате запрещено разговаривать о прошлом, и вряд ли она отважится расстраивать Великого Иерофанта своей словоохотливостью.

Увы, его собственная память была бесполезна сейчас. Она выгорела от времени под лучами палящего солнца.

– Так значит, этот юноша был... – Он вновь посмотрел в зеркало. – Выращен специально для ритуала?

– Все верно, – с воодушевлением подтвердила Шеата, обрадовавшись перемене темы. – Для него было великой честью принести себя в жертву ради вашего возвращения в мир. Он был рожден для этого. И он провел всю свою жизнь в этих покоях, ни в чем не зная нужды. С раннего детства мы тщательно готовили его к миссии. Мы даже имени ему не дали, чтобы тело не привязывалось, не цеплялось за другую личность и сразу признало вас истинным хозяином.

Элирий потрясенно слушал. Мысли путались и мельтешили, не желая формироваться в единое мнение.

Шеата же явно гордилась проделанной работой. Очевидно, она входила в число ближайших сподвижников его ученика и принимала активное участие в подготовке и проведении сложнейшего темного ритуала.

– Зачем вам понадобилось делать это, спустя столько лет? – тихо спросил наконец Элирий.

Шеата покачала головой.

– Вы можете решить, что это понадобилось именно сейчас, но это не так. Все долгие годы, минувшие после вашей смерти, Великий Иерофант не оставлял попыток вернуть вас, но тщетно. Далеко не сразу мы поняли, что именно, как и когда нужно сделать, чтобы ритуал призыва души прошел успешно.

Элирий почувствовал, как ноги его подгибаются.

– Хочешь сказать, – едва слышно выдохнул он, – что все эти триста пятьдесят девять лет подряд он призывал мою душу?

Проклятье, все это уже здорово напоминает одержимость. Неужели после стольких лет учеником его по-прежнему движет жажда мести за давнишние мелочные обиды? Вот ведь ничтожество!.. Но чего еще ждать от неполноценных народов.

– Да. – Шеата сокрушенно покачала головой. – И уже почти потерял надежду, что однажды добьется успеха. Говоря откровенно, мы не сразу поверили, что это и вправду вы. Мы слишком привыкли к неудачам. Звезды должны были встать на небе ровно в ту же самую позицию, как в день и в час первого рождения вашей светлости. А это совпадение случается далеко не каждый год. Мы не сразу выяснили этот нюанс, как и то, что это условие обязательное, но недостаточное.

– То есть... – На миг воцарилась тишина. – То есть множество жертв с кровью наследников Лианора в жилах были возложены на алтарь и убиты в темном ритуале... зря?

Элирий тяжело свел брови, ощущая, как в груди на месте гулкой, щемящей пустоты зарождается глухое чувство гнева.

Шеата тоже нахмурилась. Она явно не хотела неловкими словами настраивать Элирия против своего господина. Как бы не вышло беды.

– Они погибли не зря, ведь в конечном итоге вы здесь, – попыталась аккуратно оправдаться она. – Кроме того, неудачи – путь к успеху. Именно благодаря неудачным опытам его высокопреосвященство значительно продвинулся в понимании принципов Черной магии. Это было непросто, ведь у него не было никакой информации. Как вам известно, Черная магия находилась под запретом в эпоху Второго Рассвета.

От таких сногсшибательных новостей силы окончательно оставили Элирия. Видя, что он собирается вот-вот грохнуться в обморок, Шеата мигом подхватила его и, крепко сжав в объятиях, поволокла к ближайшему креслу. Осторожно сгрузив свою драгоценную ношу, она замерла, и Элирий почувствовал дрожь, вдруг прошедшую по сильному телу боевой жрицы.

Резво выпрямившись, Шеата отшатнулась от него, как от прокаженного, а в темном зеркале глаз отразилась чья-то статная фигура.

Глава 6. Феникс распускает хвост. Часть 2

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон дождевой воды

Долгожданные дожди драгоценны как масло.

День шестой от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчьего Логова

киноварью

Жесткий взгляд едва царапнул по приближенной, предостерегающий жест решительно пресек любые попытки объясниться или оправдаться. Дав Шеате знак немедленно исчезнуть, вошедший обратился к откинувшемуся на спинку кресла обессиленному Элирию.

– Учитель?.. – осторожно окликнул он, будто по-прежнему не до конца веря своим глазам.

Чуть повернув голову на зов, Элирий бросил краткий взгляд из-за плеча. Посетитель уверенно приблизился и встал прямо перед ним. Каждый шаг его был, как печать.

– Вы здесь... вы живы. – Слова звучали насколько возможно мягко и почтительно, но металл в этом гортанном голосе сложно было скрыть полностью. Голос звенел, как клинок, хорошо знакомый со вкусом крови. И сам незванный гость, а точнее, хозяин здешних мест, выглядел как клинок... как человек, сознательно превративший себя в оружие.

Наконец-то Элирию представился случай внимательно рассмотреть своего ученика. Стоящий напротив был его воспитанником – и одновременно казался чужаком. Он знал ученика с отрочества – и словно бы видел впервые. Безродный звереныш, выкормыш южного племени Степных Волков... нет, того угловатого мальчишку из прошлого было не узнать.

Надо сказать, высоко титулованный гость производил впечатление: Элирий немедленно отметил проскальзывающую в каждом движении скрытую силу. Ему была известна эта страшная текучая грация, свойственная прирожденным бойцам. Таковы были его личные Каратели когда-то, лучшие из лучших, и глаз Совершенного был наметан на подобные вещи.

Без сомнений, храм Затмившегося Солнца был военизированным орденом.

Безошибочным чутьем Элирий всегда умел распознавать опасность, и в этот раз оно четко дало о себе знать. Вошедший был опасен, как никто другой. Видно, не зря вместо положенного по статусу духовного одеяния ученик носил легкий черненный доспех, а за поясом его покачивался хищно изогнутый клинок – столь любимая степняками сабля-гаддарэ, в позолоченных ножнах, оклеенных черной кожей. Ножны богатые, парадные, а вот сам клинок определенно боевой – от него так и веяло нечистой энергетикой смерти, тяжелым запахом крови.

Со смешанными чувствами Элирий уставился на эти драгоценные ножны, скрывающие клинок необычной формы, тонкий, словно крылышко цикады. Коготь Дракона! Красивый, но неприятный. На лезвии – сакральные узоры, насеченные черным серебром в час полного солнечного затмения. Элирий помнил все это до странности отчетливо, так отчетливо, будто точно такой же клинок вошел однажды в его собственную плоть...

Элирий погрузился в странное оцепенение: что-то в нем отозвалось и тоскливо заныло внутри грудной клетки, за шестым ребром. Один только взгляд на легендарное оружие обездвигивал и лишал воли: сияющему клинку бессознательно хотелось вручить себя. Так жертва желает оказаться на алтаре ради искупления грехов. Но это же все не на самом деле? Какие-то причудливые игры разума, не справляющегося пока с наложением двух реальностей.

Столько лет минуло!.. Неужели ручной звереныш его так возмужал? Ученик сделался похож на человека крутого нрава, который в подвластных ему землях распоряжается даже дуновением ветра, карая и милуя по своему произволу. Только чувствительный рот несколько

противоречил общему образу сурового воина, сообщая о характере сложном, импульсивном и вспыльчивом.

В их первую встречу, которую Элирий так удачно вспомнил, волчонок был еще не до конца сформировавшимся подростком. Сейчас же рост его превосходил, пожалуй, рост самого Элирия в те далекие годы.

Как вышло, что волчонок вырос и превратился в дракона, который одним крылом своим закрыл Красное Солнце? Кажется, своими собственными руками взрастил он зверя, крылатую черную тварь, которая может теперь разорвать его...

Чужие пальцы без разрешения коснулись запястья, ища пульс. От неожиданности Элирий резко отдернул руку, и Черный жрец застыл, раздосадованный собственной поспешностью.

– Мессир не позволит осмотреть его? – негромко, полным беспредельного терпения голосом обратился тот, с грацией атакующего зверя опускаясь перед Элирием на колени. – Прошу прощения, но сделать это необходимо.

Пальцы вновь скользнули по нежной коже запястья – бережно, словно грубое прикосновение могло заставить Элирия исчезнуть. На сей раз он не отстранился. С великой деликатностью ученик его взялся прощупывать жемчужную нить пульса, по голосу крови определяя текущее состояние.

– Пульс стабилизировался, – кратко подытожил Черный жрец, – но по-прежнему почти неразличим. Пришло время заменить сладкий целебный настой на «Горькую слезу», которая стимулирует вашу жизненную силу. Кроме того, добавим к назначенным тинктурам экстракт цветков красного сандалового дерева, для общего укрепления.

Произнеся все это напористым, не терпящим возражения тоном, ученик и не подумал разжимать пальцы. Элирий потянул было кисть на себя, пытаясь вырвать свое запястье, свою пульсирующую кровь из крепкой хватки, но на сей раз Черный жрец без труда удержал его руку. Взгляд Элирия невольно зацепился за этот стальной обруч: сильные пальцы, созданные не для сладости молитвенных жестов, не для умиротворенного перебирания крупных бусин четок, попеременно шершавых и гладких... нет, проще представить, как они эти четки рвут. Они скорее подходят рукояти меча – пальцы воина, а не жреца. И меч – единственный бог, которому Черный жрец, по-видимому, готов был молиться.

В глазах, полных яркого золота, отразились смешанные чувства. Кажется, беспомощность и уязвимость Элирия странным образом будоражили сердце ученика.

Уже в следующий миг Великий Иерофант развернул его ладонь кверху и быстрым движением-росчерком поставил на коже знакомый магический знак, проявляющий цвет. Печать немедленно ожила и смутно засветилась красным. Едва заметно пульсировали четкие линии, проведенные пальцами ученика.

Элирий пренебрежительно фыркнул, видя столь вопиющее положение дел: в крови его почти нет цвета. Немедленно пришла на ум памятная сцена, когда сам он проверял наличие способностей волчонка... как ярко загорелся тогда проявляющий знак! Впервые он видел такое и, если честно, был поражен: слишком большая сила, нуждающаяся в строгом контроле.

– Вы вспомнили что-то из прошлого? – догадливо предположил Элиар, внимательно глядя на него. Должно быть, его новое лицо слишком невинно, чтобы скрывать эмоции: наблюдая за сменяющимися друг друга искренними выражениями, ученик читает их так же легко, как открытую книгу. Кажется, потребуется тренировка, чтобы вновь научиться тонкому искусству лицемерия, церемонности и разного рода притворства. – Что бы это ни было, прошу, не делайте поспешных выводов. Жизнь Учителя была длинна и наполнена самыми разными событиями.

– Зачем ты призвал меня из небытия? – Проигнорировав эти слова, Элирий прямо задал главный беспокоящий его вопрос.

Черный жрец оставил его руку в покое и помолчал немного, прежде чем ответить.

– Это был мой долг перед вами, – совершенно серьезно сказал он наконец. – Долг как ученика.

«Не думаю, что ты задолжал мне настолько. Нет, не проси меня поверить в это».

Человек, пошедший на дикие эксперименты с Черной магией... отступник, осквернивший и искаживший саму суть его учения... кто знает, на какую еще извращенную жестокость окажется он способен? Нет, доверять волчонку решительно нельзя.

– Я принес вам подарок, – тем временем миролюбиво сообщил Элиар, надеясь несколько разрядить обстановку. – Возможно, вещь из прошлого навеет мессииру новые воспоминания и придаст сил.

С этими словами ученик извлек из рукава небольшую коробку, обернутую в старинную узорчатую бумагу цвета кармина, и протянул ему.

Элирий со сдержанным любопытством развернул тончайшую упаковку. Внутри, к его изумлению, величаво покоился алый Хвост Феникса – знаменитая магическая плеть. Его плеть.

Совершенный легонько коснулся грозного духовного оружия, и то ярко вспыхнуло: призрачные языки огня пробежали от рукояти до самого кончика и обратно. Воодушевившись, Элирий вознамерился было достать плеть из футляра, но та оказалась тяжела – не обычной земной тяжестью – и тут же выпала из руки.

Владеть не имеющей себе равных пламенной плетью мог вовсе не каждый.

Элиар опустил глаза, напряженно следя, как Хвост Феникса падает и откатывается чуть в сторону. Нечитаемое выражение застыло на его лице, будто он уже видел нечто подобное прежде. И такого рода дежавю совсем ему не нравились.

– Воистину, эта плеть слишком тяжела, – тихо сказал Элиар. – Но в руках Учителя и травинка может стать оружием.

В спокойном голосе не было и намека на непочтительность, но в сложившихся обстоятельствах сказанное не могло восприниматься иначе, как насмешка. Элирию пришла в голову мысль, что сам он, несомненно, не удержался бы от язвительности и желания уколоть в угоду минутной прихоти... но таков ли его ученик? Увы, он почти ничего не помнил о сыне Великих степей.

Элиар потянулся за упавшим артефактом и медленно поднялся на ноги.

В руках его был блистательный Хвост Феникса – яркий, как пламя, гибкий, как ивовая лоза. Нельзя не признать, Элиар выглядел до крайности эффектно – длинная плеть вилась и сияла у его ног, как живая.

Элирий вздохнул и мысленно воздел глаза к небу. Нынешнее тело так слабо, что один удар Хвоста Феникса вышибет из него дух. Да что уж там, один удар обычной плетью с легкостью возымеет тот же самый результат. А Хвост Феникса был не просто великолепно сделанной плетью: в духовном оружии спала древняя магия, пробудить которую он, увы, пока что не в силах.

Однако, похоже, и ученик его не очень-то преуспел в этом деле.

– Ты не справился, не так ли? – едко усмехнулся Элирий, ничуть не беспокоясь о том, что может ранить чье-то самолюбие.

– Увы, – ученик развел руками, – после вашей смерти плеть будто потеряла силу. Но я знаю, что это не так – запечатанная, сила солнечного пламени все еще таится внутри.

– Ты пробовал овладеть ею?

Элиар слегка смутился: наверняка очень давно никто не задавал ему неприятных вопросов в лоб.

– Да, – честно признал он. – Было бы глупо не попытаться заполучить столь могущественное духовное оружие. Но Хвост Феникса признает только вашу кровь. Я ничего не смог с этим поделать, хоть и испытывал разные способы.

– Что ж, очевидно, ты был не лучшим моим учеником.

На сей раз удар оказался точнее: лицо Элиара на миг перекосилось, будто ему снова ни за что ни про что неожиданно влепили пощечину и указали на место.

– Потеряв память, вы не растеряли ни капли своей природной ироничности, ваша светлость. – Несмотря на это, ему удалось сохранить самообладание.

– Да? А мне думается, растерял, потому что и не думал шутить.

Демонстрируя завидную выдержку, Элиар пропустил мимо ушей новый словесный выпад. Пристально всматриваясь в лицо Элирия, он казался взволнованным.

– Вы очень бледны, – сухо констатировал он и с нажимом продолжил: – Нужно немедленно вернуться в постель. Состояние мессира внушает мне серьезные опасения.

Стыдно признать, но он прав: снова накатывает проклятая дурнота, хоть Элирий и старался не подавать виду. Нет нужды лишний раз выказывать перед учеником слабость, и без того уже явленную предостаточно.

Исключительно благодаря своей упрямой гордости он все еще держится прямо, а не вяло сползает на пол.

– Как удалось вам дойти сюда? – почти рассерженно воскликнул Элиар, возвращая Хвост Феникса в футляр. – Если попыгаете отправиться назад, упадете на пол от слабости! Учителю вообще не следовало вставать.

Элирий молчал, и это молчание вместо ожидаемых шпилек и возражений, кажется, встревожило ученика еще сильнее.

– Пока вы нездоровы, с вами рядом постоянно будет находиться сиделка, – строго сообщил он. – Нет нужды напрягать силы понапрасну.

Элирий вовсе не горел желанием соблюдать постельный режим, но спорить не стал: сил на пререкания не осталось. В голову вдруг закралась мысль, что ученик непременно накажет Шеату за то, что та не отговорила подопечного и даже, потакая его капризу, позволила выбраться из комнаты и подойти к зеркалу. Волчонок захочет заменить сиделку, прислать к нему другую, более ответственную и дисциплинированную приближенную, вот к чему завел он весь этот разговор.

– Та молодая женщина... верни ее мне.

Досадуя, Элирий покачал головой: он не привык, чтобы такие, как Шеата, разговаривали с ним – в прежнем мире им было дозволено лишь возносить хвалу. Но, кажется, выбирать не приходилось.

Элиар удивленно приподнял брови.

– Это Шеата, Первый иерарх храма Затмившегося Солнца, – хмуро пояснил он, подтвердив статус жрицы. – Но я не могу рисковать, вновь допустив ее сюда и доверив жизнь Учителя. Как оказалось, она не в состоянии позаботиться о вас. Вы могли навредить себе...

– Ты слышал, что я сказал.

Элиар напряженно замер. Эти прохладные шелковые нотки, почти забытые повелительные интонации подействовали на него, как ушат ледяной воды вперемешку с осколками льда. Уголок рта Элиара чуть дернулся, но он вновь взял себя в руки.

– Видят небожители, Учитель, вы в полной мере сохранили свой прежний нрав, – невозмутимо заметил он. – Спустя столько долгих лет вы снова тот, кто вы есть.

Элирий ничего не ответил, терпеливо пережидая новый приступ дурноты. Спокойное достоинство, с которым держался его маленький волчонок, подсознательно выводило из себя. Да как смеет ученик быть таким дерзким! За минувшие годы Элиар совершенно отбил от рук.

– Ступай, звереныш, – ровным тоном вымолвил наконец Элирий. – Я утомлен твоими беседами. Пришли сюда грязнокровку, она поможет мне добраться до спальни комнаты.

Ученик его на мгновение застыл, нервно сжимая кулаки. Казалось, чаша терпения его вот-вот переполнится и он силой заставит слушаться несносного мальчишку, из глупого упрямства перечашего ему во всем.

Но вместо этого Элиар только вздохнул и вновь преклонил колени.

– Простите меня. – Он остался обходителен. – Учитель сам волен решать, кто будет прислуживать ему. Я сейчас же позову Шеату. В конце концов, к ней вы уже привыкли, и кто-то другой может вам не понравиться.

Элирий почти не слушал. Новое тело оказалось слишком хрупким, оно изначально не соответствовало духу прямого потомка небожителей. Совершенный едва сдерживал бьющие в него волны слабости, более всего опасаясь, что может вновь потерять сознание перед своим учеником. Но слабость не хотела оставлять его, она возвращалась снова и снова, тяжелым покрывалом опускалась на грудь, сковывая члены.

Проклятье. Даже сила священной крови не преобразит это жалкое тело в достаточной мере, не сделает полностью идентичным прежнему! Элирий почувствовал поднимающееся к горлу раздражение и холодно покосился на ученика.

– Ты выбрал вместилищем духа Первородного крайне неудачный сосуд.

– Увы, прежние сосуды оказались недостаточно чисты, чтобы дух Учителя смог войти в них. – Не пытаясь возражать, Элиар покаянно опустил голову. – А может, умений вашего ученика не доставало. Капкан смерти крепок.

Воистину, так. И вытащивший его из самого глубокого омута достоин называться повелителем смерти. Внутри себя Элирий не мог не признать это. Но если волчонок рассчитывает услышать похвалу на сей счет – нет, получить ее будет не так-то просто.

– По правде говоря, шансы были так ничтожны, что я... – Элиар на миг осекся, – я запрещал себе даже надеяться, – лишь делал, что должно. Все эти годы усердно совершенствуя мастерство, я наконец смог добиться успеха. Вы не представляете, как дорого вы мне обошлись.

Элирий неопределенно хмыкнул, гадая, что бы могли значить эти напыщенные слова. Но ученик не дал ему задуматься надолго.

– Я вижу, как сильно вы утомлены, мессир, – с чувством сказал он. – Без блестящей изоляции на острове чистая кровь потомков небожителей постепенно смешалась с кровью простых смертных, и сила Совершенных была утрачена. Но, повинувшись влиянию вашего духа, лотосная кровь вновь созреет и наберет былой цвет. Кровь Учителя – пламя пламени, сохранившее жар, из которого разгорается новый огонь. Через сорок дней после ритуала трансмутация будет завершена, и вы почувствуете себя намного лучше. Нужно подождать.

Прежде Красного Феникса Лианора называли светочем этого мира – за то, что он вернул народу Совершенных благословение небожителей... Да, его кровь – священный красный лотос благословения. Но какое значение имеет это теперь, когда все, что было смыслом его жизни, утеряно? Волчонок лишь сыпет соль на открытые раны.

– Хорошо, – с трудом преодолевая слабость, коротко отозвался Элирий. Для дискуссий было не время.

– Вход в Красные покои отныне заказан всем, кроме Шеаты. Она исполнительна и скромна, и всегда будет подле вас, как вы того пожелали. В некоторые внутренние комнаты даже она не сможет заходить без вашего позволения. Я также не буду излишне обременять мессира своим присутствием.

Он поднял на него золотые глаза и задал последний вопрос на сегодня:

– Те красные маки, цветущие в опочивальне... Учитель доволен ими?

Элирий молча кивнул.

По правде говоря, учитывая вспомнившийся неприятный эпизод из прошлого, его действительно тронул неожиданный знак внимания. С другой стороны, внимание это могло быть

продиктовано сугубо практичностью, не так ли? Красный цвет оказывает благотворное воздействие на его энергетику, хоть цветовое воздействие в видимом глазу спектре и самое слабое.

– Определенно, обилие вибраций красного цвета, пусть и проявленного грубо, поможет мне восстановиться быстрее, – сдержанно заключил Элирий.

Этот красный цвет он будет тянуть в свои вены отовсюду, как неводом собирают и тащат из моря рыбу. Такова природа его крови.

Элиар удовлетворенно кивнул.

– Если Учитель будет и впредь вставать без разрешения, мне придется привязать его к кровати, – то ли в шутку, то ли всерьез бросил Черный жрец, проходя мимо него к дверям. – Ваша жизнь слишком дорога, чтобы рисковать ею.

Сырой металлический привкус снова наполнил рот. Элирий незаметно сглотнул кровь и холодно улыбнулся, не разжимая губ и не смотря на своего ученика. Кажется, тот поклонился и вышел прочь.

Едва дверь за ним затворилась, Красный Феникс Лианора в изнеможении прислонился к подлокотнику, медленно заваливаясь набок. По лбу предательски ползли капли пота, сознание заволокло багряным туманом.

Хвала небожителям, услужливая Шеата уже спешила к нему со снадобьями.

Глава 7. Журавлиные перья. Часть 1

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон дождевой воды

Весенний воздух благодетелен.

День седьмой от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчье Логово

киноварью

Шеата, приставленная к ослабленному ритуалом Элирию, оказалась женщиной заботливой и прекрасно подготовленной в вопросах организации быта: задрапированное ярко-красной мантией жреческое одеяние сидело на нем идеально, волосы были тщательно расчесаны и уложены в безукоризненную, подобающую высокому статусу прическу.

Однако даже простая прогулка из комнаты в комнату стоила немалых трудов: он мог идти, только опираясь на протянутую руку. Выходцу из могущественного Лианора было непросто смириться с осознанием собственной немощи, но скрепя сердце приходилось снова и снова принимать помощь Шеаты, благо, она предлагалась ненавязчиво и деликатно.

Тем не менее дело явно повернуло на поправку: он наконец-то перестал беспрерывно кашлять кровью и терять сознание с завидной регулярностью впечатлительной юной девицы. Кроме того, после сытной утренней трапезы Шеата принесла на десерт свежие фрукты и какое-то новое стимулирующее восстановление организма снадобье.

– Что за зелье вы тут сварили? – Элирий поморщился и демонстративно сплюнул тинктуру обратно в овальную серебряную чашу. – Решили угробить меня во второй раз? В жизни не пробовал большей гадости.

– Это «Горькая слеза», мессир Лар, – терпеливо объяснила Шеата, аккуратно промокая его рот кружевом белоснежной салфетки. – Очень эффективное средство.

– И название говорит само за себя, – брезгливо фыркнул Совершенный, отставляя в сторону сосуд с решительно забракованным им лекарством. – Отвратительная горечь.

– Великий Иерофант повелел приготовить ее, помните? – извиняющимся тоном проговорила Шеата и склонилась в глубоком просительном поклоне, ожидая, когда бывший верховный жрец сменит-таки гнев на милость. Уйти, позволив больному не принять назначенное средство, она не могла.

Уголки рта Элирия чуть шевельнулись в пренебрежительной улыбке.

– Тебе придется пообещать мне что-нибудь очень заманчивое, чтобы я согласился проглотить эту редкостную дрянь. – Капризным движением он оттолкнул от себя поднос еще дальше, едва не перевернув неприятную бутылку с зельем, а заодно и ни в чем не повинную вазочку, заполненную крупными ягодами соблазнительной сладкой клубники, первой в этом сезоне.

Шеата на миг задумалась. Вступать в спор рассудительная женщина не собиралась – то ли из почтительности, то ли успев уже уяснить всю бессмысленность этого занятия. Но своеговольного подопечного нужно было как-то уговорить.

– Выпив «Горькую слезу», вы очень скоро окрепнете и будете в состоянии безопасно принять ванну, – с вкрадчивой надеждой проговорила жрица. – Как я слышала, ваша светлость любит воду. Я испрошу у Великого Иерофанта разрешения приготовить для вас расслабляющую горячую ванну. Его высокопреосвященство всерьез опасается, что для полноценных водных процедур все еще слишком рано и мессире может стать нехорошо. Но я уговорю его, если мессир согласится не выплевывать лекарство.

Воду? Да, кажется, прежде он любил воду.

Неизвестно почему Элирию вдруг привиделся океан. На мгновение показалось, будто он вновь стоит посреди длинной полоски песчаного берега, а море круто вздымает пахнущие солью прозрачные зеленоватые валы и вдребезги разбивает у его ног.

В раннем детстве Элирий готов был пропадать на причале часами. В Городе-Солнце, главном городе Лианора, лучшем на свете, он находил особенное удовольствие каждый день приходить на мол, любуясь тем, как на ряях медленно распускаются белоснежные облака парусов, а величественные волны качают на своих ладонях изящные и быстрые военные корабли.

Те корабли, на которых впоследствии, в эпоху Последних Дней, бежали они на Материк – и лишились дома. Те самые корабли, что едва не утонули под тяжестью их печали.

Полузабытое прошлое накатывалось на него, как прилив, ленивыми мутными волнами. К случайно выросшему кусочку памяти одно за одним притягивались новые воспоминания. Малиновая от весенних закатов вода – как зеркало, стремительные чайки вскользь касаются ее крылами. Это было начало, а конец... далеко не так радужен. В нем только пасмурное море, забравшее сияющий Лианор. Из которого упрямо тянутся в его вены водоросли застарелой тоски.

Так много всего было уже пережито. Липкий мох успел покрыть древние скалы, выросшие из песка, по которому ступал когда-то... и вот теперь снова приходится начинать жизнь с нуля, сталкиваясь с совершенно новой реальностью.

Но он по-прежнему любил океан и никогда не смотрел на него с укором.

– Договорились. – Что ж, в конце концов, это и впрямь неплохая сделка. – И еще – принеси вина, перебить мерзкий вкус...

Элирий провел языком по сухим от болезни губам и задумался. Наморщил лоб, тщетно пытаясь вспомнить, но решительно ничего не приходило на ум. Уже в полной мере к нему вернулась ясность сознания, но память... память возвращалась очень избирательно.

– Твой господин должен точно знать, которое мне по вкусу. – Элирий в конце концов сдался и пожал плечами, так и не выудив из своей головы ни одного любимого сорта. – Спроси у него.

Хвала небесам, хотя бы это не его заботы. Ученик обязан разбираться в предпочтениях Учителя.

Едва Шеата, поклонившись, вышла, Элирий немедленно поднялся вновь и кое-как доковылял до широкого окна с великолепным наборным витражом. Разноцветные кусочки мозаики радовали глаз, складываясь в яркий цветочный узор, а сразу за ними едва различимо переливалась в воздухе некая мутная взвесь, словно маслянистая пленка плыла по гладкой поверхности воды. На этом открытии с разведыванием местности можно было заканчивать: пейзаж за окном размывался в смелую абстракцию. Ничего не разглядеть, хоть во все глаза смотри.

Нахмурившись, Совершенный поднял руку и осторожно приблизил ладонь к витражному стеклу. Характерное покалывание жаром заполнило кончики чутких пальцев, давая ответ.

О небожители! Здесь мощное силовое поле. Двустороннее.

Это значит, никто не может проникнуть внутрь, и никто – свободно выйти наружу. Это тонкое цветное стекло совершенно непреодолимо, словно каменная стена.

С одной стороны, магические контуры и запоры защищают от всевозможных опасностей извне, с другой – превращают временное убежище в тюрьму, из которой нет выхода. Защищена ли настолько серьезно вся цитадель Великого Иерофанта или, учитывая немалые затраты ресурса, только Красные покои? И для чего было устроено так?

Красный Феникс не был мастером взлома настолько монументальных барьеров и вообще нечасто прибегал к методу грубой силы. Используя ее лишь в крайнем случае, он предпочитал тратить цвет своей крови рационально и эффективно, добиваясь больших результатов с меньшими усилиями. Именно потому, даже владея самым редким даром небес – способностью

управлять священной стихией солнечного первоогня, мессир Элирий Лестер Лар так любил обманчивую стихию иллюзий, переменчивый и лукавый дух бесцветия.

А вот его ученик всегда тяготел к созданию воздушных барьеров – незримых и непреодолимых защитных преград, которые успешно сдерживали в том числе и сокрушительные удары легендарного Хвоста Феникса. Но все это дела давно минувших дней. В нынешнем состоянии говорить о каком-то применении цвета крови вообще не приходилось. На повестке дня стоял более насущный вопрос: как бы этой драгоценной кровью не истечь или не захлебнуться случайно во сне во время очередного приступа кашля.

Само по себе наличие силового поля выглядело весьма подозрительно и навевало разные мысли. Всегда лучше ошибиться в излишних подозрениях, чем недооценить реальную опасность.

Больше всего ситуация походила на то, что эта красивая комната – клетка, и он уловлен в нее, как алая птица феникс, которая не живет в неволе. Гордая птица в руках птицелова.

Еще раз тщетно взглянув наружу сквозь молоко туманной пелены, мессир Элирий Лестер Лар отвернулся и задумчивым взглядом обвел щедро украшенные цветами внутренние покои. Пусть сейчас Совершенного никто не видел, он попытался придать лицу привычное непроницаемое выражение. Нет сомнений: в прошлом Красный Феникс Лианора оставил что-то очень важное, бывшее весомой частью жизни. Что-то, а точнее сказать, кого-то, кого за минувшие четыре сотни лет, увы, он умудрился напрочь позабыть. Смутное ощущение точило душу, тяготило и не давало покоя, будто нечто значительное играючи пряталось от него и не позволяло ухватить себя за хвост... Казалось, воспоминание скрывается, словно молния в белоснежных облаках, ускользает от взгляда, как белое журавлиное перо, упавшее на ослепительный снег. Белый снег, укрывший память белым саваном забвения.

Элирий нахмурил брови, мучительно пытаясь вспомнить, кто стоял рядом с ним в те давние годы его величия. И кто, возможно, мог бы помочь ему сейчас.

Определенно, этот дикарь, этот рыжеволосый кочевник-полукровка не мог быть единственным учеником прославленного Красного Феникса Лианора.

* * *

Эпоха Красного Солнца. Год 274.

Сезон малой жары

Дуют жаркие ветры

Ром-Белиат. Красная цитадель

****черной тушью****

После долгого путешествия на восток они наконец прибыли в Ром-Белиат – вскоре после захода солнца, в алой закатной тиши.

Это был вытянутый вдоль побережья город в узкой бухте Красного Трепанга, что вдавалась в плоть материка глубоко и хищно, словно кошачий коготь. Столь удачное географическое расположение давало защиту не только от свирепых морских штормов, бушевавших в этих краях постоянно, но и от внезапных нападений. Правда, из-за отсутствия бурь тихие волны не выбрасывали на берег закрытой бухты самоцветы, коими были так знамениты янтароносные косы Бенну, зато неутомимые ловцы доставали из тела океана немало рожденного им перламутрового и золотого жемчуга, шедшего потом на роскошные украшения для Совершенных.

Не зря с момента основания Ром-Белиат гордо именовали Морской Жемчужиной Востока. Это был один из двух городов Оси, основанных Красным Фениксом. Ось пронизывала весь Материк – от Запретного города Ром-Белиата на востоке до Вечного города Бенну на

западе, – и мало-помалу независимые территории, что находились между великими городами, были вновь покорены морским народом. Увы, как и всегда, земля прирастала кровью.

У сопровождавших Красного жреца Карателей имелись превосходные породистые лошади, но Райар, разумеется, предпочел взять из Халдора собственного любимого и не однажды испытанного скакуна с приметной шкурой цвета золота. Верный солнечный конь со струящимися кремовыми гривой и хвостом летел вперед и в теплых лучах закатного света нес всадника в неизвестность. Теперь копыта его, увы, звонко цокали по тесаным камням незнакомых безлюдных мостовых, а не поднимали к небу пыль бескрайних южных степей. Жизнь раскололась на до и после и – пошла в совершенно другом направлении.

Никогда прежде Райар не бывал в большом городе. Ему вообще редко доводилось бывать в городах – разве только в набегах вместе с соплеменниками, но во время этих кратких визитов Степные Волки предпочитали грабить, убивать и жечь, а вовсе не любоваться красотами. Ром-Белиат же оказался не просто большим, а, по меркам неискушенного кочевника, поистине огромным. Страшно представить масштабы Бенну в таком случае!

Когда городские ворота закрылись за ними, на улицы уже начинали опускаться сумерки. В этот час Ром-Белиат дышал влажностью и казался причудливо лиловым, похожим на мираж. Воздух сильно пах морем; долгожданная после жаркого дня, вокруг плавала приятная вечерняя прохлада. Под ногами коней клубились понемногу собиравшиеся с берега марь и морской туман, расплзалась по мостовым сиреневая дымка. Подкрадывалась ночь, она была уже близка, и густо-синие тени одна за другой проливались на Запретный город, растушеванная краски и контуры: розовато-перламутровый колорит зданий едва проступал из полумрака, словно на расплывчатой, потускневшей от времени картинке из старых фолиантов.

Сыну Великих степей были не по сердцу закованные в камень города. Природа была его домом, и воля была его жизнью. Исполненная юношеского восторга душа Райара жаждала свободы, простора и широты, но таким, чуточку нереальным и не столь строгим, как воображалось, легендарный Ром-Белиат неожиданно понравился ему. Утонченная красота Запретного города очаровывала и пленяла.

Взгляду кочевника впервые открылось ночное море. Мерцали кормовые огни стоящих на рейде величественных кораблей, названия которым он не знал. Вдоль берега пенной волной белели цветущие деревца гардений, в душистый аромат которых тонкой струйкой вливалась морская горечь. Ром-Белиат весь шумел морем, как прижатая к уху раковина; по улицам бродило эхо океана. И целых пять месяцев в году можно было любоваться пышным белопенным прибоем цветов по всей линии побережья...

Позже Райар узнал, что гораздо больше гардений высажено в аллеях восьмивратного Бенну, но не белоснежных, а декоративных золотых, выведенных специально под стать главному цвету Второго города Оси. Одежды гардениевых цветов носили высшие иерархи храма Полудня, для прочих же этот цвет был запрещен, так же, как и элитный цвет красной вишни, принадлежащий высшим иерархам храма Заката. Все эти унылые нюансы и формальности давались Райару с трудом, но имели значение для общества Совершенных – в Ром-Белиате определяли положение по внешнему виду.

Темное небо над этим лиловым городом было удивительно прекрасно, полное ранних звезд и непривычного, очень соленого ветра – такого соленого, что даже горчило во рту. Кажется, глубокий небесный купол опрокинулся прямо над ним: знакомые созвездия виднелись в просвете синеватых облаков, успокаивая и даря утешение. Глядя вверх, Райар почти поверил, будто он все еще в Великих степях, и где-то неподалеку высятся просторные шатры любимого старшего брата и отца. Боль от расставания с ними была больше его сердца: первое время ее невозможно было почувствовать и осознать в полной мере. Но делать нечего – оставалось только принять свою судьбу. До тех пор, пока не появится возможность что-то изменить, исправить ошибку жестоких богов.

За все время в пути Красный Феникс не перемолвился с будущим учеником ни словом и едва ли удостоил кивком. Кажется, его светлость мессир Элирий Лестер Лар был человеком сложным и закрытым... а может, легендарный основатель Ром-Белиата и вовсе не снисходил до разговоров с окружающими, если только ситуация не требовала его вмешательства и немедленных личных распоряжений. Каратели не смели обращаться к нему напрямую, только выполняли полученные приказы, и Райар, с удовольствием следуя их примеру, также делал вид, что проглотил язык и целыми днями настороженно помалкивал.

Говоря откровенно, вновь контактировать с навязанным ему наставником совершенно не хотелось. Особенно если учесть незабываемое знакомство с Хвостом Феникса... И дело даже не в ужасном характере владельца артефактной плети: кочевник по-прежнему не мыслил себя учеником в храме Закатного Солнца и уж тем более будущим жрецом. Такая жизнь не для него!

А потому Райар отчаянно надеялся, что нелепая, неприятная история все же как-то разрешится в его пользу – и рано или поздно удастся вернуться домой и свидеться с родными. Увы, тогда он еще не мог знать, что, узрев своими глазами блистательный Ром-Белиат, он станет потерян для Халдора навсегда.

Глава 8. Журавлиные перья. Часть 2

Эпоха Красного Солнца. Год 274.

Сезон малой жары

Дуют жаркие ветры

Ром-Белиат. Красная цитадель

****черной тушью****

Ром-Белиат уже утонул в сине-сиреневой мути, когда они подъехали к венчающей город Красной цитадели.

Легендарный храм Закатного Солнца, сердце Красной цитадели, возвели на месте высадки боевых кораблей, почти три столетних периода назад спасшихся с Лианора. Спустя сорок семь лет после окончания строительства новый храм был освящен схождением благодатного солнечного огня, знаменующего долгожданное, дарованное вновь благословение небожителей. С этого сакрального момента и вела начало эпоха Красного Солнца или, как ее называли Совершенные, эпоха Второго Рассвета, сменившая Смутное время, которое никто из них не хотел принимать в расчет. Совершенные предпочли бы забыть о позорной странице своей истории, ибо в ту пору они были слабы, рассеяны по Материку и лишены покровительства бессмертных обитателей Надмирья.

Поражающая воображение архитектурная конструкция шпилем уходила в небо, высотой превосходя любое здание Запретного города. На фоне виденных сегодня монументальных циклопических сооружений Райар невольно почувствовал себя совсем маленьким и незначительным – словно крохотное насекомое, по ошибке залетевшее в каменный мешок города. Все же таким, как он, здесь неуютно: большой Ром-Белиат подавлял своим величием.

Вход в храм Закатного Солнца украшала фигура феникса из красной яшмы. Расправив гигантские крылья, огненная птица величаво взирала на явившихся с вершины маршевой лестницы из редкого розового мрамора. По этой длинной парадной лестнице к ним спускался молодой человек. Он шел не быстро и не медленно, а в самый раз так, как положено, чтобы приветствовать верховного жреца. Движения его не выглядели ни непочтительно суетливыми, ни излишне формальными – оставаясь при этом в достаточной степени торжественными, как и обязывал момент.

Райар вытаращил глаза, с живейшим любопытством рассматривая незнакомца и про себя дивясь до такой степени отточенным манерам и светской выучке. По сравнению с Красным Фениксом и Карателями молодой человек был не слишком высок ростом, с кожей тонкой и почти прозрачной, что, в целом, характерно для уроженцев Севера, а одежды запрещенного цвета сообщали окружающим, что перед ними – старший ученик храма Закатного Солнца.

Хрупкий и изящный, как фарфоровая статуэтка, незнакомец имел правильные черты и необычную, хоть и привлекательную, наружность. Белоснежные волосы, напоминающие журавлиные перья, рассыпались по плечам, мягко присобранные у концов в свободную косу. На лице застыло восхитительное ледяное равнодушие, а прозрачные северные глаза больше всего на свете походили на две голубые льдинки.

Райар фыркнул. Что и говорить, человек с такими бледными и тяжелыми глазами не мог быть породистым аристократом с развесистым родословным древом за плечами. И последний штрих – надменно вскинутая голова с первого же взгляда выдавала в нем гордеца.

А первое впечатление редко бывает обманчиво.

– Аве Великому Иерофанту! – не удостоив остальных присутствующих даже беглым взглядом, произнес северянин и преклонил колени пред Красным Фениксом. Негромкий голос его прозвучал ровно, почти безразлично, безо всякого намека на благоговение.

Несмотря на отсутствие показного пиетета, Райара здорово покорило такое унижительное, по его мнению, приветствие. В Халдоре нравы были куда проще, и более любых материальных благ ценилась свобода. Вождь Степных Волков никогда не заставил бы соплеменников, словно жалких рабов, падать ему в ноги.

Но интересно то, что и встречавший их юноша прибыл из краев, где никогда не было рабства: испокон веку владельцы Севера решительно противостояли военной ярости Лианора. Когда только началась первая волна вторжения, мореходам удалось быстро захватить прибрежные земли и установить на них свои порядки, но на этом атака захлебнулась: долгое время Совершенные не могли продвинуться вглубь Материка.

Север же так и остался неприступен – и во время первого, и во время второго вторжения.

И вот тринадцать лет назад между Ангу и Ром-Белиатом впервые был заключен мирный договор, и гарантом этого мира выступил не кто иной как шестилетний наследник владельца Ангу, отправленный в Ром-Белиат в качестве ученика храма Закатного Солнца. Ученичество было необходимым условием для заключения мира, ради которого трудились долгими годами. Эта история была известна всем.

В какой-то степени судьбы их были схожи, да и выходец из Ангу был ненамного старше самого Райара, а потому он с пристальным вниманием вглядывался в собрата по несчастью, пытаясь понять, что за человек перед ним. Тот выглядел превосходно воспитанным и утонченным, однако в манерах скользила известная надменность.

– Ваша светлость мессир Элирий Лестер Лар, благословенный небесами Красный Феникс Лианора, – опустив ладони на мрамор, тем временем продолжил молодой северянин. – Храм Закатного Солнца приветствует верховного жреца и хранителя священного цвета.

Длинное имя и титулы будущего наставника вновь прозвучали для Райара как заклинание.

– С возвращением, Учитель, – все тем же бесстрастным голосом добавил сын владельца Ангу и, низко склонив голову, прикоснулся губами к когда-то блестящему, а сейчас покрытому грязью остроносому сапогу Красного жреца.

– Яниэр, душа моя, встань. – Шелковый голос Красного Феникса медом пролился в лиловый полумрак. – Не обязательно приветствовать меня как низкородженному.

Не сдержавшись, Райар громко хмыкнул. Неужели? Чего ж тогда жрец не остановил Яниэра и не поднял его, когда тот униженно валялся перед ним в пыли? Дождался перечисления всех регалий? Какое лицемерие.

– Учитель отсутствовал так долго. – Почему-то Яниэр не торопился вставать, воспользовавшись щедрым предложением Красного Феникса. – Ваш ученик счастлив оказать наставнику должные почести. Это радость для меня.

Видимо, все присутствующие расслышали еще один неуместный смешок с его стороны. Поднявшись, Яниэр мимоходом глянул на Райара, глянул с отвращением, как глядят на последнее отребье или, допустим, кусок грязи, прилипший к походной обуви Красного Феникса, которую он только что целовал. На бледных губах северянина остался след от желтой дорожной пыли, которую он не смел смахнуть перед лицом своего наставника.

Взгляд Красного Феникса оставался все так же холоден, но теперь в нем отчетливо сквозила благосклонность. Он поднял руку и большим пальцем сам стер этот след.

– Как прошло путешествие Великого Иерофанта? – вежливо поинтересовался Яниэр.

– Благополучно. Но дикие земли неизменно утомляют меня.

– Не сомневаюсь. – Яниэр говорил с интересным северным выговором, чуть растягивая и смягчая слова. Но речь его все равно была далеко не так мелодична, как речь выходца из Лианора. – Ваше возвращение – большое утешение для города.

– Я и сам рад наконец вернуться, – улыбнулся Красный Феникс. – Но в этот раз поездка прошла не зря: я нашел для храма очень способного мальчишку. У тебя появится младший брат.

На спокойном лице Яниэра промелькнуло сдержанное удивление.

– Учитель намеревается взять нового личного ученика? Из племени... дикарей?

Красный Феникс негромко рассмеялся.

– Поверь, я и сам не в восторге. Но этот забавный звереныш поцелован самим солнцем. В нем так много цвета, что он проявляется даже внешне, на грубом материальном плане. Только взгляни на него. Такому выдающемуся дарованию нельзя пропадать.

Яниэр послушно перевел взор на кочевника, на сей раз задержав его гораздо дольше, в особенности на длинных, забранных в высокий хвост волосах, что цветом напоминали краснорыжее солнце. Золотые глаза, нередко пугавшие соплеменников Райара, не остались без пристального внимания северянина. Должно быть, в закатном сумраке они потемнели и тлели необычными оранжевыми всполохами.

– Несмотря на юный возраст, он достаточно развит: каждое движение выдает физическую силу, – негромко и как будто одобрительно заметил Яниэр. – Кроме этого, я вижу в нем зачатки силы духовной. Учитель совершенно прав в своих предположениях.

Райар молчал, не представляя, как следует вести себя в настолько дикой ситуации. Жрецы беззастенчиво обсуждали и оценивали его, будто какую-то выставленную на продажу молочную корову, а потому он просто стоял и праздно наблюдал за беседой. Что еще мог он поделать?

– Но разве сможет кочевник адаптироваться к сложной храмовой жизни и чуждым ему порядкам? – с сомнением протянул Яниэр, кажется, все еще не слишком убежденный в необходимости его пребывания здесь. – Мальчик, хоть и очень молод, уже довольно взрослый для того, чтобы начинать обучение. И разве не запрещено низкорожденным становиться воспитанниками Красного ордена – и тем более надевать ученическую форму священного цвета?

Как и все уроженцы Севера, Яниэр был сдержан и внешне почти не проявлял эмоций. Несмотря на это, Райару вдруг подумалось, что, должно быть, северянин сильно привязан к своему наставнику. Вон как забеспокоился, что Красный Феникс берет нового ученика!.. В каждом скупом движении читалась тревога.

Не исключено, что эти холодные манеры скрывают теплые чувства.

– Все верно, – отчеканил Красный Феникс, будто бы раздраженный тем, что ему посмели напомнить о правилах, которые сам же он и создал. – Придется сделать мальчика личным рабом, чтобы моим именем ему были даны все необходимые возможности. Не будем затягивать с этим. Подготовь адитум для ритуальной церемонии: как раз сейчас, пока догорает закат, наилучшее время. Будешь мне помогать.

– Хорошо, ваша светлость. Надеюсь, ваш новый воспитанник окажется достоин оказанной ему чести.

Райара перекосило от праведного негодования: в Великих степях не знали слова раб. А эти двое называют его так при нем же как ни в чем не бывало, будто это в порядке вещей! И что это еще за церемония? Торжественное посвящение в невольники?

Яниэр считал, конечно, что степной босяк не ровня ему, наследнику престола Ангу, который может похвастать благородной родословной, безупречной, точно у племенного жеребца. Он даже не скрывает своего презрительного отношения и неприязни.

Знал бы он, что сам Райар желает «почетного» обучения у Великого Иерофанта еще меньше этих двоих, чтоб им провалиться! Для него это вовсе не честь, не награда и не повод для гордости, а самое худшее наказание!

Тем временем, решив, что разговор закончен, Красный Феникс начал восхождение по ступеням. Яниэр последовал за ним, чуть поодаль, почтительно склонив голову.

Райар закатил глаза, глядя, как наливается тьмою большое сиреневое небо. Кочевнику начинало казаться, что в здешнем обществе полно условностей, притворства и глупых надуманных правил. Пес его знает, что допустимо тут, а что нет, и, честно говоря, разбираться в этой ереси совсем не хотелось.

Никто не обращал на него внимания. В полной растерянности, не зная, как поступить, Райар хмуро поплелся третьим – позади Учителя и ученика. Каратели замерли как статуи и остались стоять навтыжку у подножия лестницы, до тех пор, пока вся процессия не скрылась из виду.

Одновременно с тем на флашток торжественно поднималось полотнище флага с пылающим алым солнцем. Поднятое над острым шпилем Красной цитадели, знамя сообщало всему городу, что Великий Иерофант пребывает в своем храме.

Это значило: солнце вновь появилось в сияющий небесах Ром-Белиата, потому что Красный Феникс и был солнцем над головою своего народа.

* * *

Не оборачиваясь, Красный Феникс сделал небрежный знак рукой, давая понять, что отпускает сопровождавших его учеников.

Яниэр остановился и еще долго стоял недвижно, склонившись в поклоне, пока фигура Красного Феникса не скрылась из виду в полумраке храмовых переходов, пока поступь его не перестала звенеть в отдалении. Затем, без разговоров и каких-либо разъяснений, отвел ново-явленного младшего товарища в полупустую подсобную каморку и запер там, по всей видимости, руководствуясь принципом предосторожности: как бы подозрительный кочевник не стащил или не испортил чего-нибудь ценного в святом месте.

Довольно скоро Яниэр явился вновь и так же молча проводил его в алтарную комнату. Райар из вон рук плохо разбирался во внутреннем устройстве храмов, но, кажется, это было главное помещение для священнодействий, святая святых. По крайней мере, здесь находился большой алтарь.

Красный Феникс успел сменить дорожные одежды на титульное жреческое одеяние; на челе его сиял традиционный головной убор Великого Иерофанта, похожий на венец из огня.

Райар с тревогой всмотрелся в необычный предмет в руках того, кто по прихоти злой судьбы должен был стать его наставником. На конце продолговатого железного прута красовался знакомый узор солнца, того самого алого солнца, что плескалось сейчас снаружи – на высоком флаштоке, на сахарной ткани знамени. Вероятно, такое изображение закатного солнца – личный знак Красного жреца.

Кочевник прекрасно знал готовившуюся процедуру: в их племени подобным образом клеймили жеребят на втором году жизни. Уж не собирается ли проклятый заклинатель заклеймить его самого, как несмышленное бессловесное животное? Какой позор!

На алтаре расцветали языки священного солнечного огня. Его светлость мессир Элирий Лестер Лар чинно ступил к пламени и, величественно произнеся что-то нараспев, сделал небольшой надрез на ладони. Красивой краской цвета киновари на узких ладонях его были нарисованы раскрытые глаза, и прокол пришелся аккурат на зрачок. Несколько капель вытекли и тягуче упали в огонь, накормив его силой.

Пораженный до глубины души, Райар увидел, как, приняв предложенную жертву, пламя в мгновение ока поднялось высоко и увеличилось в несколько раз, похожее на тысячелепестковый бутон лотоса. Темный кроваво-красный цветок созрел и распускался у него на глазах, а в воздухе, посреди специфической смеси запахов удушливых ритуальных благовоний, воска и горячего лампадного масла, отчетливо потянуло свежим цветочным ароматом.

Скупым и точным движением Красный Феникс опустил тавро в огонь и выждал несколько томительных мгновений, пока металл печати не раскалился добела, а по рукояти не начали виться хищные красные стебли огненного цветка, которые, к изумлению Райара, не обжигали наставнику руки.

Удостоверившись, что все готово, Красный Феникс вытащил из пламени подготовленное орудие пытки и приблизился. Райар невольно отметил высокие породистые скулы, холодные глаза – зимний штормовой океан. Безо всяких эмоций на лице в этот миг Красный Феникс являл собою странный облик рафинированного экзекутора.

Райар в бешенстве стиснул зубы, давно смекнув, к чему идет дело. А дело было – дрянь. Увы, что-то непостижимым образом удерживало его на месте, не давая защищать себя или хотя бы постыдно бежать прочь. В те далекие времена кочевник еще не был знаком с древним искусством духовного пленения, но прозорливо подметил: с первого взгляда невзлюбивший его Яниэр стоит прямо за спиной и, вероятно, сделал с ним что-то такое, что не давало пошевелить даже пальцем!

Ненависть к жестокому Красному Фениксу и невыносимая ярость от осознания собственного бессилия затопили и переполнили чашу сердца. Как смеет надменный ублюдок учинять подобные пытки и унижения? Как смеет он...

Боль прервала поток гневных мыслей. Вновь произнеся неведомые слова на своем птичьем языке, Красный Феникс плотно прижал переливавшуюся духовным цветом печать к телу парализованной, не способной сопротивляться жертвы.

Проклятье! Райар думал, что подготовился к боли, но оказалось – не настолько. В тот же миг красное солнце вспыхнуло на коже, похожее на яркого ядовитого паука. Огненный паук немедленно впился в глотку, когтистыми суставчатыми лапами вцепился в измученную шею, с которой не сошли еще следы жестоких поцелуев, оставленных Хвостом Феникса.

Крик умер в груди, так и не родившись. Связавшие Райара незримые путы были так крепки, что не позволяли даже разжать губ и, казалось, он вот-вот захлебнется собственным напрочь сбитым, сумасшедшим дыханием... безмолвной бранью... а может быть, и кровью. Отчаяние и злость сплелись в диковинный клубок. Находясь под безжалостным контролем техники пленения Яниэра, Райар случайно прикусил язык, и теперь во рту разливался терпкий привкус соленой горечи.

Брови Красного Феникса сошлись на переносице, когда он вновь увидел в залитых болью золотых глазах не страх, но – все ту же лютую ненависть к себе, которая, против ожидания, только возросла. О, то была чистая, ничем не замутненная ненависть! Взгляд Райара неожиданно отыскал свою цель и прошел навывлет, как золотая стрела.

– Мужество, достойное лучшего применения... – едва слышно прицокнув языком, пробормотал Красный Феникс и отвернулся. Удивительное дело: дикая боль прорастающей печати, которая сломала бы и опытного жреца, как будто дала обратный эффект и только многократно усилила волю Райара.

Но самому Райару казалось: сейчас он умрет. Солнце встало ему поперек горла, не давая вдохнуть. Сердце поднялось и яростно билось, кажется, прямо в этом израненном пыткой горле. Оно кипело и бушевало, не желая сдаваться, отказываясь умирать. Дух Райара был силен.

– Довольно, – задумчиво приказал его светлость мессир Элирий Лестер Лар куда-то в алтарный полумрак. – Отпусти моего звереныша.

Как только по милости Совершенного тело его получило свободу, Райар почувствовал, насколько оно ослабело от боли. Руки дрожали, ноги предательски подкосились, и он наконец закричал, почти с облегчением закричал, падая перед Красным Фениксом ниц на холодные храмовые плиты – и оставаясь лежать. Полная священного цвета кровь смыла проклятия, которые он собирался произнести.

Величественно расцветал и наливался багровым глубокий ожог могущественной печати контроля. Длинные, острые как пики, лучи Запертого Солнца вольготно растекались на горле – выжигая прошлое, выжигая все, что было прежде, и все, что могло быть после...

Отныне и навеки делая рабом того, кто больше всего на свете любил свободу.

Глава 9. Дракон поднимает голову. Часть 1

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон дождевой воды

Ветер отважно расчесывает длинные ветви ив.

День восьмой от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчье Логово

черной тушью

Наступил второй сезон весны, и всю ночь влажно шелестел дождь.

Это хорошо – в прежние дни Учитель любил слушать нежную музыку дождя. Привычные, обыденные сцены будут успокаивать и вселять уверенность, когда вокруг незнакомый мир. А еще минувшей ночью Учитель снова снился ему мертвым – и вот это уже плохо.

Не в силах проснуться и разорвать липкие путы кошмара, Элиар барахтался в них всю ночь, а наутро немедленно отправился в Красные покои – удостовериться, что все в порядке.

Поразительно, как ярко может видаться то, что случилось много лет назад. Из всех сил старался он стереть из памяти тот роковой час, то выражение лица Учителя, но все напрасно. Год за годом приходили сны, и сюжет их был один, один и тот же.

Засыпая, Элиар в который раз видел, как горит Красная цитадель, как плещется повсюду, от основания до шпилей самых высоких башен, смертоносное алое пламя, погубившее весь штурмовой отряд – хватило сил защитить барьером только самого себя.

...Как тело Учителя вновь и вновь распростерто на алтаре – священное тело, неповрежденное магическим огнем.

Как снаружи крупными хлопьями падает густой снег, как неостановимо заходит солнце на его глазах, последнее солнце эпохи, – и мир разлетается на осколки, перестает существовать во тьме и снеге.

Никак не мог позабыть он проклятый снег – большую редкость в Ром-Белиате, собранном из цветов и бризов, из морской пены и легких весенних туманов, то и дело наползающих с побережья. Снег в том году выпал особенно неожиданно, уже на пороге весны. И мир перевернулся, опрокинулся навзничь, вывернулся наизнанку вместе со странным внеурочным снегом, который все летел и летел куда-то ввысь, будто подкинутый ради забавы чьей-то жестокой рукой.

Двуликий, двуединый Ром-Белиат, смотрящий одновременно на восток и на запад, в прошлое и в будущее... весь этот город был об Учителе. Как раньше он не понимал этого? Огромный восьмивратный Бенну также основал Красный Феникс, но сияющий янтарный город, Вечный город, увы, – его нелюбимое дитя. Сердце Учителя всегда было здесь, среди вольных морских ветров, в узкой бухте Красного Трепанга.

Элиар покачал головой. О чем только думал он тогда? Глупым было само решение напасть на закате, когда цвет крови жреца Закатного Солнца достигает апогея. Но, к сожалению, больше не оставалось возможности ждать: с наступлением ночи должны были прибыть основные силы – гвардейские части армий из Бенну во главе с самим Игнацием, Золотой Саламандрой храма Полуденного Солнца. К тому времени Ром-Белиат окончательно заблокировали с суши, и снабжение осажденных полностью перешло на флот под командованием Аверия. Город был осажден, и вскоре войска Бенну его возьмут.

Учитель принял решение остаться в Запретном городе, невзирая на грядущий штурм, во время которого несокрушимая оборона Ром-Белиата была обречена пасть. Как это в его духе – упрямо, надменно и пренебрежительно к врагам.

...Красная цитадель встретила их темнотой и тишиной. Это изрядно походило на ловушку, и, по сути, ею и оказалось.

Темнота в мгновение ока расцвела красными огнями.

Взрывались снопы алых искр, камни под ногами текли от жара, залитые кровавыми отблесками. Воздух горчил и стоял в глотке, как жгучий ком, который невозможно проглотить. Пламя обжигало. Пламя вставало высоко, плыло над самой его головой, словно соцветия красной вишни, чтобы нести только смерть. Пламя полыхало, как гравировка на лезвии верного Когтя Дракона, дрожавшего от переполнявшей клинок ярости. Казалось, ничто в мире не сможет унять и остудить этот злой огонь: тот снова и снова бился об его барьер, разлетаясь убийственными фейерверками.

Но цитадель оказалась пуста. Очевидно, Учитель поручил Яниэру спасти остатки жрецов и, скорее всего, сам ушел вместе с ними, воспользовавшись способностью Первого ученика к перемещениям. Оставался вопрос: кто и зачем в таком случае поддерживает защитный магический огонь? Все происходящее казалось крайне странным.

Когда же наконец он добрался до святилища, пламя вдруг опало, и мир потерял последние остатки смысла и тепла.

Красные и белые краски смешались. Последние осколки священного цвета вместе с душою Учителя, которую он упустил, разлетались по миру в кровавой метели из лепестков. Воистину «Цветы зимней вишни таят в себе снег», как провозглашает второе имя Красного Феникса. Винные лепестки вишни осыпались снаружи во тьме и ветре, в белой пелене снега, в алой ночи, не видимые никем, и это сводило с ума.

Учитель ушел по ту сторону заката и сделался недостижим.

С тех пор Элиар не мог спокойно смотреть на пышную, густую пену цветущих вишен и стал ненавидеть нежные весенние сезоны, когда все вокруг словно назло ликовало и радовалось несправедливой жизни. Просто в мире не осталось ничего, что в самом деле могло бы вернуть ему весну: смерть наставника навсегда остановила для него тот снежный день.

Холодный зимний день, который так и не кончился для Учителя. И не закончится уже никогда. Конечно, полное осознание случившегося пришло намного позже, а в тот час Элиар жаждал только ненависти и мщенья.

Ненавидеть. О, как сильно он умел ненавидеть.

...Мокрый снег падал на огненно-рыжие волосы и, кажется, звенел в тишине, когда Второй ученик вышел из Красной цитадели с сосудом, полным лотосной крови Учителя. Он собрал крови столько, сколько смог – мертвой, но еще теплой; нетленной, похожей на красную ртуть крови, которой был согрет ледяной, опустевший храм за его спиной. Храм, защищая который до последнего, умер Красный Феникс Лианора.

Храм опустел. Мир опустел. А он, весь в белом от метели, стоял и неловко прижимал к груди эту священную, не знающую порчи жидкость, которую сберег в робкой надежде провести саму смерть – завладеть ускользнувшей в небытие душою Учителя. Рассчитывая обмануть, приманить бестелесную душу на ее же собственную кровь.

Белый снег замедлил бег времени, туманя взор и замедляя прошлое. Ветер резал глаза, выбивая непрошенную слезу. Пустой храм позади Элиара был молчалив и тих. Вот и свершилось. Вот и взят Ром-Белиат. Где же его радость? Он мог бы сорвать с древка величественное знамя Закатного Солнца и растоптать его или бросить, как трофей, на стремя своего коня. Но этого не хотелось. Мир опрокинулся: снег медленно поднимался вверх, мучительно падая обратно в небосвод и увлекая за собой разломанную реальность. Невесть почему все вокруг вывернулось наизнанку, как будто все законы и правила разом отменили. Ром-Белиат превратился в снегопад и исчез, вознесшись к небесам.

Вместе с Ром-Белиатом сам он тоже опрокинулся в это ненастье. Снег покрыл Элиара с головы до ног, выбелив одежду, выбелив начисто весь окровавленный город, который казался

теперь не более чем белым шлейфом его тяжелого воинского плаща. Снег таял на щеках и мешался со слезами. Он... плачет? Невозможно. Как истощила его душу ненависть...

Спустившись по мокрым от снега парадным ступеням из памятного розового мрамора, по которым поднимался когда-то впервые вслед за Учителем, Элиар остановился, не понимая, куда следует идти дальше и что делать со своей жизнью. Он молча смотрел в снежную мглу, в оглушительную пустоту зимней ночи, едва сдерживаясь, чтобы не упасть на колени и не начать скулить в засыпающем его снегопаде. А между прошлым и будущим, между жизнью и смертью все падал, падал белый снег.

Много крови пролилось в ту ночь на мостовые Ром-Белиата, много крови выбелил милосердный снег.

Все это казалось дурным сном.

Да, всякий раз Элиар просыпался с надеждой, что увиденное – всего лишь сон, который развеют лучи восходящего солнца, но нет: реальность была неколебима. День наступал – но не стирал его память об Учителе. Долгая синяя ночь подходила к концу, а реальность все не заканчивалась.

И вот наконец и эта безжалостная реальность отступила, сокрушенная силой запретных техник чародейства – ушедший за предел Красный Феникс восстал из кровавого пламени. Душа Учителя откликнулась на зов и снизошла в бренный мир! Когда он уже почти поверил в то, что Учитель никогда не вернется.

Но и минувшей ночью во сне сердце Элиара вновь было полно тревоги: он остро боялся проснуться и обнаружить, что удавшийся наконец ритуал тоже приснился ему, что долгожданный успех окажется миражом. Прошедшие дни казались не более реальными, чем сновидение... не передать весь ужас этой мысли.

Однако, все было в порядке: Учитель жив. Кажется, Элиар мог наконец торжествующе спросить: «Смерть, где твое жало?»

– Мессир, сегодня я срезал для вас пионы, – будничным тоном объявил Элиар и поставил вазу с большими красными цветами подле ног Совершенного.

Тот молча посмотрел вниз.

– Прошу прощения. – Элиар поклонился. – Первый иерарх упростила меня позволить эту утомительную водную процедуру, но я не могу доверить ей вашу безопасность. Если мессир не против, я хотел бы помочь сам.

Знакомый аромат растекался по комнате, приятно смешиваясь с запахом цветов. Элиар мягко улыбнулся: сливовое вино делает душу человека прозрачнее и тоньше, вымывает из сердца всю горечь и грязь. Возможно, именно поэтому в прошлой жизни его так любил Учитель. Сам Элиар предпочитал напитки не столь благородные, более тяжелые и крепкие. Поздней осенью на востоке, в окрестностях бывшего Ром-Белиата вызревают оранжево-красные плоды редкого сорта горького апельсина. Из них получается чудная померанцевая настойка, горькая, как полынь, и в то же время оставляющая на языке своеобразное приторное послевкусие.

В новом воплощении тело Учителя было не таким сильным, как прежде, да и принесенному в жертву юноше никогда не давали пробовать алкоголь, сохраняя кристальную чистоту плоти. Наверное, с непривычки нежное сливовое вино подействовало быстрее и глубже, чем следовало: взгляд Учителя, обычно насмешливый и высокомерный, слегка затуманился сладостью и был самую малость расфокусирован.

Полный холодного океана, этот взгляд ошарашивал, и Элиар на мгновение застыл, впустив его в себя. В нынешние времена во всем мире, должно быть, только у глаз Учителя сохранился благословенный цвет циан. Виденный в последний раз так давно, но не забытый, невыносимо прекрасный – цвет глаз человека, которого, как он думал, уже не вернуть. Жестокое человека с океаном в глазах.

Однако Учитель был здесь.

Воистину, он ошибался: нет той весны, которая бы не пришла.

Его светлость мессир Элирий Лестер Лар сдержанно кивнул в ответ на приветствие, с явным удовольствием прихлебывая свой напиток. Кажется, вкусы и предпочтения Учителя спустя все эти годы остались прежними. А вот лицо возвращенной маленькой жертвы ритуала за считанные дни сильно преобразилось, теперь отчетливо напоминая наставника в далекие дни юности: тонкие, ясные и приятные взгляду черты.

Учитель ждал его в легкой узорчатой накидке, открывающей шею и часть спины. Очень открывающей. Элиар нахмурился: надо будет отчитать Шеату за неосмотрительный выбор одежд. Учителю, который собирается всего-навсего совершить омовение, не пристало выглядеть так вызывающе броско. Одевания следует выбирать более скромные – строгого кроя и безо всяких легкомысленных узоров.

Одним словом, Красному Фениксу Лианора требуется подобающее статусу облачение.

Сам сейчас был без доспехов и без пышных одежд, а голову венчала не торжественная шипастая диадема Великого Иерофанта – простая жреческая повязка с золотым знаком черного солнца.

Продолжая сердито думать об очередном промахе приближенной, Элиар без слов снял с Учителя злополучную накидку и, преклонив колени, обернул вокруг бедер широкий кусок драгоценной ткани левантина. Легкое шелковое покрывало, затканное серебром, растительным орнаментом листьев и цветов пиона, изящно оттеняло молочно-белую кожу, но Элиар, разумеется, смотрел исключительно в пол.

По правде говоря, он хорошо знал это тело. Неделию назад Черный жрец сам связал юношу в алтарной комнате, умело причиняя боль. Это не доставляло удовольствия, но таковы правила: искупительная жертва ритуала должна страдать каждую минуту и умереть в достигших апогея муках. Умереть от мук.

Тогда Элиару было все равно – долгие крики и жалобные мольбы о пощаде не трогали сердце. Тело юной жертвы еще не принадлежало Учителю. По сути, оно принадлежало ему самому: с самого рождения Элиар бережно растил юношу, заботился и воспитывал, готовя лишь к одной цели, и по праву мог сотворить со своим детищем все, что захочет.

Теперь же стало иначе. Когда в сосуд налито драгоценное вино, сосуд и сам становится драгоценностью. Той драгоценностью, что следует ценить и беречь пуще зеницы ока.

Отныне в этом теле созревало солнце, а на великое светило, как известно, нельзя смотреть даже верховному жрецу, если тот не желает в наказание потерять зрение. Учитель всегда был словно солнце, чистое и совершенное: истинный цвет древнего первоогня таился в благословенной крови. Когда-то капли крови подобной этой, крови небожителей, пролились в море и образовали священный Лианор – остров вечной юности, где царила непрекращающаяся весна. Цветущий сад, созданный единственно, чтобы наслаждаться жизнью, где не было ни жары, ни холода – одно только ласковое тепло.

Таков был остров, где стоял храм Тысячи Солнц и где был рожден Учитель, способный в прежние времена, кажется, вести за собой на пурпуровой узде само солнце. Воля наставника всегда считалась волею не людей, но небожителей.

Рожденные в Лианоре именовались Первородными, и их оставалось совсем немного уже в те далекие дни, когда Элиар по воле рока попал на обучение в храм Закатного Солнца. Сейчас же таковых более не осталось на Материке... почти не осталось.

Закончив с переодеванием, Элиар позволил Учителю устроиться поудобнее, почтительно поддерживая за руку. Тот с видимым облегчением растянулся на низкой кушетке и расслабленно прикрыл глаза. Торжественные одеяния цвета красной вишни остались лежать рядом – он поможет Учителю облачиться в них после купания. А помощь понадобилась бы, даже если бы мессир был здоров: эти ткани красивы и баснословно дороги, но слишком тяжелы.

Элиар невольно помрачнел, глядя на титульные одежды жреца Закатного Солнца. Прошли нескончаемые столетия, а он все не может искупить вину... все продолжает наряжать Учителя в багряные одежды своего предательства, снова и снова проживая его смерть. Неужели этому не будет конца?

Если по какой-то причине душа Совершенного не удержится в новом теле, придется вновь пережить эту смерть наяву. При мысли о таком исходе Элиар ощутил ужас такой глубокий, что пальцы начали нервно подрагивать и он выпустил прохладную ладонь наставника из рук.

Если мир опять потеряет Учителя, сможет ли новое солнце подняться над горизонтом?

Воистину, это будет равносильно тому, что своими глазами увидеть гибель светила – снова.

А потому с мнительностью и подозрительностью, подобным тем, что наблюдаются порою у юных учеников, не уверенных в благосклонности наставника, следил Элиар за малейшей переменой в состоянии Красного Феникса. Страх того, что ритуал все-таки не сможет завершиться благополучно, не оставлял его ни на минуту. В эти необходимые для созревания лотосной крови сорок злосчастных дней нужно быть особенно осторожными и избегать любых потрясений, ведь жизнь Учителя – самая важная в мире жизнь.

Кроме того, увы, Элиар имел в своем сердце слишком темные тайны. Учитель не помнил, как лишился жизни и что произошло до катастрофы. Не ведает Учитель, и что случилось после. Все изменится в их общении, как только он узнает обо всем этом, но сейчас – время еще не наступило.

– Позвольте мне позаботиться об Учителе.

Красный Феникс безразлично кивнул, давая позволение. Прислуживать наставнику и обихаживать старших во время подобных процедур – в этом не было ничего необычного.

Получив разрешение, Элиар возжег благовония, и по комнате для омовений растянулся тягучий, волнующий сердце аромат золотистого шафрана. Сам Элиар не слишком-то жаловал его, но Учителю нравился теплый, чуть землистый запах дорогой пряности, а потому Черный жрец терпел, никак не выказывая своего отношения.

В былые времена наставник нередко использовал шафран в ритуалах в качестве жертвенного подношения небожителям, добавлял эту пряность в чай, а иногда приказывал устлать живыми цветами постель, чтобы избавиться от физической и душевной усталости. Для исполнения этого желания приходилось особенно постараться: великолепные нежно-лиловые крокусы нельзя собирать днем – солнце портит ароматные лепестки и делает их непригодными. Кроме того, в засахаренном виде Учитель любил есть их как лакомство, которое помимо вкусовых достоинств имело хороший успокоительный эффект.

– Я приведу в порядок ваши волосы.

Волосы наставника, блестящие, как черный обсидиан, были перетянуты нитями мелкого жемчуга. Только одна длинная прядка выбивалась из общего совершенства прически.

Элиар уставился на эту предательски выпавшую прядь, и сердце вдруг кольнуло: вновь встала перед глазами немая картина, где волосы Учителя тяжелой волной свешивались с края алтаря. Воспоминания, от которых он не в силах освободиться – тягостные, растущие из сумрачных глубин разума. Сражаться с ними слишком трудно.

Чтобы освободить волосы от стягивающих их нитей, Элиар начал перебирать их, как струны, одну за другой аккуратно вытягивая шпильки. И вот наконец гладкие темные пряди вольготно ниспадают на плечи.

Черный жрец с удовлетворением вспомнил, как несколько дней назад, приподняв бесчувственное тело, удобнее устроил Учителя под покрывалами. А потом тихо поцеловал эти самые волосы, увидев, что те проявили священное серебро.

Наполненная ванна обещала наслаждение – вода также была надушена шафраном. Три широких ступени вели к купальне размером с небольшой бассейн. Учитель был все еще очень слаб, а потому Элиар просто взял его на руки и опустил в душистую воду. Кажется, она начала растворять накопившуюся усталость: томительное напряжение отступало, ненавистная слабость понемногу выходила прочь. Красный Феникс слабо улыбнулся.

Белый пар плавал над горячей водой, с каждой минутой завладевая купальным помещением. От сильной влажности медные пряди Элиара отяжелели и начали крупно виться, но тончайшие нити волос Учителя по-прежнему оставались безукоризненно прямыми и гладкими, как шелк. Антрацитово-черными пятнами проступали они на поверхности воды, тянулись перед глазами сквозь ароматную пелену пара.

Вода в водяных часах текла, медлительно отмеряя время, и мало-помалу заполнила сосуд, готовый пойти ко дну. С процедурами пора заканчивать.

Стараясь как можно аккуратнее выжимать воду из мокрых прядей, Элиар собрал волосы Учителя в высокий хвост. Пряди падали вниз черными змеями, капли воды срывались с кончиков, словно сверкающие кристаллики хрусталя. Взгляд невольно соскользнул за ними, и сердце кочевника болезненно сжалось: священное тело Красного Феникса было покрыто непустыми следами пыток. Повсюду на белой коже расцветали цветочные узоры, причиненные узлами страданий.

Из-за недостатка духовной энергии раны Учителя все еще не зажили – сине-фиолетовые пятна расползались по запястьям и лодыжкам, как огромные уродливые кляксы. Словно дорогой шелк разрезали и испортили никчемным кухонным ножом.

Выждав время, достаточное, чтобы мышцы Учителя расслабились, а волосы начали подсыхать, Элиар бережно перенес его, задремавшего в тепле, обратно на кушетку. Промокнув излишнюю влагу, принялся втирать в плечи ароматную субстанцию, стараясь не причинять боль. Закончив, Элиар осторожно взял в руки узкие холеные ладони и поцеловал их одну за другой – торжественно, как целуют мраморную святыню, безо всякого намека на страсть или непристойность.

Прикосновение к священному телу Учителя было сродни прикосновению к телу божества. Божества, которого он все еще не мог постигнуть, но к которому доверчиво стремилась душа. Склонив голову, Великий Иерофант осторожно дотронулся кончиками пальцев до нанесенных им самим повреждений.

Кожа Учителя отдавала винной сладостью.

Глава 10. Дракон поднимает голову. Часть 2

Эпоха Черного Солнца. Год 359.

Сезон дождевой воды

Ветер отважно расчесывает длинные ветви ив.

День восьмой от пробуждения

Бенну. Цитадель Волчье Логово

****черной тушью****

– Ну и кто разрешил тебе это? – укоризненно спросил Красный Феникс, машинально кладя царственную длань на макушку выпрямившегося на звук его голоса ученика – так, как любил делать прежде.

Голос наставника окончательно изменился – в него в полной мере вернулись те хорошо знакомые повелительные интонации, что прежде едва только слышались, смутные, как рокот прибоя сквозь сон. Тягучий голос доносился будто из самого прошлого, пробуждая непрошенные воспоминания о давних днях... излилось так много времени, так много всего изменилось. Но вот Учитель снова говорит с ним, как и прежде. Элиар до сих пор не мог привыкнуть к этому чуду, к этому сновидению наяву.

– Простите мне излишнюю вольность, – покладисто извинился Черный жрец, – ваш ученик преступил границы дозволенного. После стольких лет ожидания я надеялся, мессир не откажет в возможности выказать ему свое почтение.

Влажный белый пар окутывал купальное помещение плотно, словно морской туман. Выражение лица Учителя тоже подернулось дымкой. Элиар поднял на него глаза: на серьезном лице застыло странное выражение, словно многолетняя тревога смешалась со смущением. Здесь было хорошо известное Учителю место из прежнего мира, хоть и измененное теперь до неузнаваемости. Место, где переборчивый язык Красного Феникса щекотал вкус того же изысканного вина, что и сейчас, когда они с мессиром Игнацием по-братски пили его из кубков, связанных, словно струйкой крови, темно-красной тесьмой вечного союза вассала и сюзерена. Тогда Бенну только-только выползал из пеленок, а новорожденный храм Полудня не претендовал на статус Великой базилики, – дни текли беззаботно, полные удовольствий. Но время – время было уже не то. Да и место, что уж греха таить, теперь не узнать: бывшая Янтарная цитадель превратилась в Волчье Логово, оплот Затмившегося Солнца. Все это совершенно не понравится Учителю.

– Мой маленький волчонок совсем отбился от рук, – рассмеялся наставник, равнодушно отталкивая поддерживающие правую ступню заботливые ладони Элиара, – и забыл, какая большая честь – припасть к стопам Красного Феникса. Редкий человек настолько удачлив для этого.

Это правда. Даже вода, в которую ступал Красный Феникс Лианора, почиталась святой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.